

Туркменские байки. Начало начал.

ШУБЁНКИНА ЕЛЕНА. ЧЕРНОВА ЕЛЕНА. 2022-2023

1 октября 1981 года, аэропорт Кольцово, Свердловск. "Одумайтесь, куда же вы поёрлись. Это не Узбекистан, не Казахстан, и даже не Таджикистан. Это же Туркмения..." Такими словами провожал меня на рейс Свердловск-Ашхабад мой научный руководитель и самый лучший декан биофака Сергей Васильевич Комов. Случайно столкнулись в зале ожидания аэропорта. Нашу группу поддержки трудно было не заметить. Кроме родственников с десятком знакомых лиц: биофаковцев, которые приехали проводить наш первый туркменский заповедный десант.

В 1981 году я закончила биологический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького в городе Свердловске Свердловской области. Это столица Урала, кто не в курсе, и называется ныне Екатеринбург.

Во времена СССР было распределение выпускников ВУЗов. Всех после учёбы трудоустроивали. Наш биофак лояльно относился к этому процессу, обязательки не было. Если ты сам находил себе место будущей работы, то с радостью туда и направляли. А уж если не находил, то путь лежал в среднюю школу учителем.

Поскольку я с первого курса работала в Дружине по охране природы (ДОП) и обучалась на кафедре "Биогеоценологии и Охраны Природы", то искала место себе в заповеднике. А тут как раз в Туркмении открывался новый заповедник, Капланкырский, с десятком ставок научных сотрудников. Обещали не только работу, но и жильё. А в 20 с небольшим лет очень интересно пожить самостоятельно, посмотреть на другой мир, другую природу. И по сути неважно, где охранять и изучать природу, в лесах, тундре или пустыне. Ну вот мы и собрались в пустыню. Я конечно была не одна. Согласились поехать в далёкий край ещё два орнитолога с нашего курса: Сергей Антипов и Владимир Шубенкин. А в самой Туркмении была надёжная поддержка московских ДОПовцев во главе со Святославом Забелиным. Они уже жили и работали в Сянт-Хасардагском заповеднике на самом юге республики. А мы ехали на самый север, где Туркмения граничит одновременно с Казахстаном и Узбекистаном.

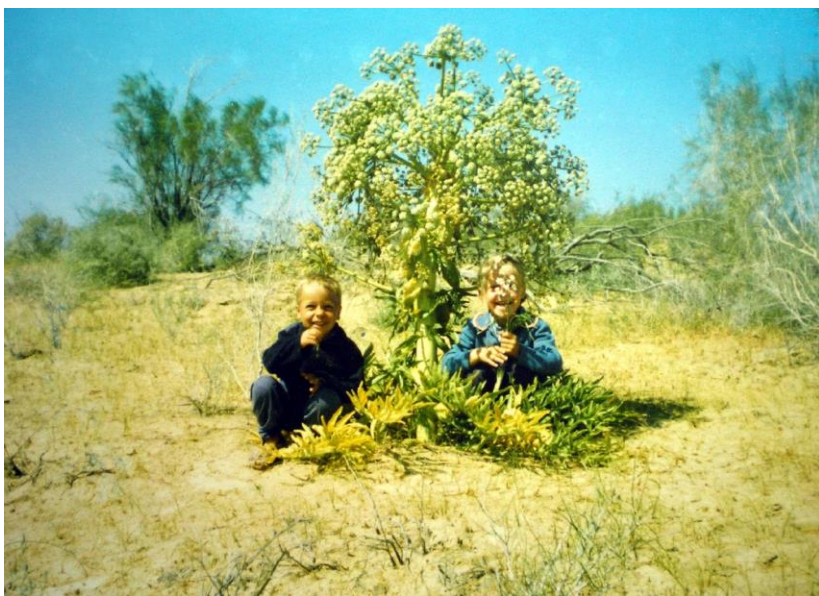
Агама на Южном Устюрте. Фото автора

Туркменские байки. Как мы летели в отпуск с кучей змей

25 марта 2022.

Всё что изложено ниже - реальные события из нашей жизни. Не удивляйтесь, но мы ненормальные. И в этом надо признаться. Мы - биологи, и этим всё сказано.

Начинаю серию туркменских рассказов. Сейчас и не верится, что это с нами когда-то произошло. Но в 1981 году мы уехали в Туркмению работать в пустынном заповеднике на границе Кара-Кумов и Южного Устюрта.

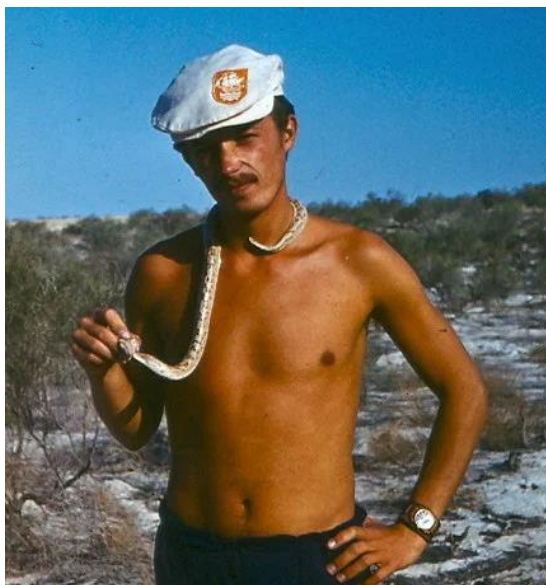
Под ферулой. Наши дети в пустыне

Ну вот и байка номер раз

Когда в июле в пустыне устанавливается жара за +40, живность там впадает в спячку. И работа у нас в это время останавливалась. Поэтому каждое лето руководство заповедника отправляло нас в отпуск. И летели мы на родину, на Урал. Почти все мы были из Свердловска. Прямых рейсов из Ташауза не было, и в Уфе надо было делать пересадку.

Кто берет в отпуск своих детей, а герпетолог Андрей Затока взял и своих питомцев: кобру, варана и несколько удавчиков и сцинков. Он не нашёл в городе человека, который бы ухаживал за ними на время отпуска. Безвыходная ситуация была. Гады были упакованы надёжно по мешкам и мешочкам. Но ждать следующего самолета в Уфимском аэропорту надо было часов пять. И тут Андрей решил своих зверей покормить и попоить. Прямо в зале ожидания. Нас было четверо взрослых и четверо детей от 2 до 4 лет. Ещё куча багажа, места с трудом нашли, и то не всем хватило. И вдруг я замечаю, что рядом со мной освобождается местечко, сажу туда дочку. С другой стороны тоже место пустое вдруг. Ну классно, муж отдохнёт. Но скоро в секции, где мы сидели и стояли не стало никого. Только одна женщина сидела и печальными глазами смотрела на Затоку. Ну а что? Андрей занимался привычным делом: доставал по очереди из кармана курточки удавчиков и поил их. Мы то знаем, что это

неядовитые змеи, сами сколько раз с ними фотографировались. Но у пассажиров явно была паника.

Восточный удавчик не может удавить, даже забравшись на шею

Жена Затоки Женя пожалела обездвиженную женщину напротив и подошла к ней, чтобы успокоить. И та сказала, что ушла бы, но ноги онемели. А в это время малышня наперебой просила подержать красивых удавчиков. Так весело и в комфорте мы провели оставшееся время до рейса на Свердловск.

Перед досмотром на посадку все удавчики были аккуратно уложены по карманам болоньевой курточки Андрея под молнии. Варан засунут в мешок и в рукав этой курточки. А вот кобру пришлось нести Жене в детском горшке. На досмотре тогда сканировали только чемоданы. А про горшок было сказано, что там детская неожиданность. Открывать крышку горшка никто не стал.

Андрей Затока с коброй.

Во время отпуска в Свердловске мы зашли в гости к Затокам. Андрей выгуливал в заросшем палисаднике среди хрущёвок своего варана. Как всегда в полном одиночестве.

Туркменские байки. Жильё молодых специалистов

1 апреля 2022.

Осенью 1981 года я и двое моих сокурсников уехали работать в Каплан-Кырский заповедник в Туркмению. Контора заповедника находилась в городе Ташауз. Нам как молодым специалистам обещали квартиры. И это было существенно в выборе работы.

Когда мы прилетели из Ашхабада в Ташауз, то прибыв в контору к месту распределения обнаружили, что директора заповедника нет. А именно он обещал мне и Володе Шубенкину жилплощадь, когда мы ездили сюда на разведку в феврале. Бухгалтер предложил нам пожить в гостинице, пока директор не вернется из поездки на территорию заповедника. Естественно оплата гостиницы за счет предприятия.

Гостиница "Ташауз", фото 80-х гг

Но прошла неделя, и счета за проживание в двух номерах выросли в неприличную сумму. Директор всё же решил искать нам жильё. И оно нашлось. Заместитель по научной работе, узбек по национальности, привёз нас в частный дом в узбекскую семью. Со словами: пока тут поживите, а когда квартиры будут распределять, мы вам выделим.

Честно говоря, такой вариант мы ожидали. Так что возмущаться не стали. Комнаты были большие, дом тёплый, с газовыми голландскими печками. Разве что удобства на улице. Но и зиму мы ожидали южную. По незнанию.

Частный сектор в Ташаузе в 80-е годы

Дом был четырехкомнатный, кухня в большом коридоре, соединяющим комнаты. Хозяйка дома Тазыгуль, примерно сорока лет, работала на железнодорожной станции и растила одна пятерых детей. С замом по науке они были то ли родственники, то ли хорошие знакомые. Поэтому оплата квартирантов стала дополнительным доходом семьи.

Женщина в узбекском платье. Очень похожа на нашу хозяйку дома

И комнаты нам выделили самые просторные. Я жила в комнате около 25 кв.метров, а у ребят комната была проходная (в мою) ещё больше, метров тридцать. А вот печка была одна, только у ребят. И стол был только один, там же. Из конторы мы привезли три стула. Так что завтракали, ужинали и писали письма вот за этим единственным столом.

В моей комнате была высокая железная старинная кровать. А на ней ворох матрасиков, почти до потолка. Когда в доме собираются гости, то вокруг скатерти с явствами на полу раскладывают эти вот матрасики, примерно 2-3 см толщиной. Чтобы гостям было удобно сидеть на полу. Мне разрешили убрать эту грудку с кровати. И ещё в комнате был буфет из 60-х годов. Там хранились чайники и пиалушки в невероятном количестве. Видно большие застоля были раньше в этой семье или так положено.

А вот ребятам пришлось спать на полу. Правда и матрасы им привезли нормальные, толстые ватные. В качестве экспедиционного снаряжения, и ещё спальники выдали какие-то военного образца. Зато подушек было у них в комнате много. Полы в доме все были покрыты

настоящими туркменскими коврами. Это мы потом узнали, что в Чарджоу есть ковровая фабрика, и ковры там делают шерстяные, а не синтетику.

На кухне стояла газовая четырёх комфорочная плита с духовкой. Нам разрешили готовить на ней в любое время дня и ночи. Сами хозяева ужинали почти в темноте. Хотя у Тазыгуль и было три дочери, но чаще готовила она сама, а с работы возвращалась поздно.

Туркменские байки. Научный отдел с азиатским колоритом

6 апреля 2023.

Ну мы конечно знали, на что шли. Вернее, ехали в туркменский город Ташауз, чтобы работать в научном отделе Капланкырского заповедника.

К нашему приезду заповеднику было уже два года. Там был полный штат. И даже был научный отдел в лице одного начальника. Не хватало только научных сотрудников. Тех, кто будет собственно и работать, исследовать территорию, вести учеты, создавать ежегодную Летопись природы заповедника. Постепенно мы познакомились со всеми сотрудниками, но первые месяцы в основном общались с заместителем директора по научной работе. Это был узбек с обычными узбекскими ФИО: Атамурадов Сабур Атамурадович. Он не имел биологического образования. Да и высшего образования не имел. Но он был коммунистом. И возглавлял партийную организацию заповедника.

Поскольку в Министерстве охраны природы в Ашхабаде в наш приезд работали и даже руководили отделом заповедников европейцы с научными степенями, то с нашего заповедника требовали отчёт о проделанной работе. Главным отчетом была Летопись природы. И мы даже получили в руки летопись за прошлый год. Целый рабочий день мы веселились в конторе, читая про китообразных в пустынном заповеднике и другие плюшки. Это был переписанный учебник зоологии для шестого класса. Видно у Сабура Атамурадовича был школьник подходящего возраста из его многочисленных детей.

Научный отдел в 1982 году в пустыне. Начальник в форменной фуражке. Я - справа от него. Фото сделал корреспондент газеты "Ташаузская правда"

Поскольку в Министерстве охраны природы в Ашхабаде в наш приезд работали и даже руководили отделом заповедников европейцы с научными степенями, то с нашего заповедника требовали отчёт о проделанной работе. Главным отчетом была Летопись природы. И мы даже получили в руки летопись за прошлый год. Целый рабочий день мы веселились в конторе, читая про китообразных в пустынном заповеднике и другие плюшки. Это был переписанный учебник зоологии для шестого класса. Видно у Сабура Атамурадовича был школьник подходящего возраста из его многочисленных детей.

Чтобы расположить к себе человека, в Средней Азии приглашают в свой дом, кормят пловом, угощают чаем с лепёшкой и конфетами. Понятно дело, наш начальник представлял, что ничего научного он не сотворит, в поле не поедет работать, но начальником надо остаться. Поэтому как-то раз пригласил в гости. Мы сидели на полу веранды на кошмах, а из дверей дома то и дело выбегали ребятишки, и их было не меньше десятка разного возраста. Атамурадов щедро раздавал детям конфеты. Тогда Володя спросил: "Сабур Атамурадович, это всё Ваши дети?" . Тот ответил: "Тут и мои, и старшего сына." "А как вы их не путаете, ведь их так много". "Я их знаю, вот этот мой, этот тоже мой, этот старшего сына, а этот... А! Жена знает".

Перед подачей плова Сабур-ага всегда выставлял руки вперёд ладонями вверх и делал вид, что молится. Потом махал рукой и восклицал, а, так сойдёт! И приглашал всех к поеданию плова. Порой он оправдывался перед нами: "Вы не подумайте, я коммунист, но у нас так положено".

Плов подавали всегда после чая. Поскольку плов готовится часа полтора, то мы полтора часа заполняли желудки жидкостью. Чай в Средней Азии обычно пьют зелёный, каждому гостю выдавали маленький заварный чайник примерно на 300 мл и пиалушку. Во время чаепития положено разговоры разговаривать. Так наш начальник узнал, кто на какие должности рассчитывает и не покушается ли на его пост. Мы не претендовали. Главное, чтобы нас вовремя и с оборудованием и обмундированием вывозили в пустыню. Мы согласны даже на младших научных сотрудников. Сабур Атамурадович успокоился и заверил, что машины всегда в нашем распоряжении. А к полевому сезону к весне он организует нам вагончик и цистерну для воды.

Ну и ещё мы договорились, что в ближайшие дни он отвезёт нас на территорию заповедника для поиска места для полевого стационара.

Туркменские байки. Как мы первый раз в пустыню ездили

10 апреля 2022.

Горячая пора в пустынном заповеднике - это весна. И наш немногочисленный научный отдел на совещании принял решение отправиться на полевые даже немного пораньше: в феврале. Чтобы оценить обстановку с ландшафтами, заложить маршруты для учета численности, определиться с видовым составом и возможно застать пролёт птиц. А место для стационара надо было выбрать осенью. Поэтому мы поехали на территорию заповедника в октябре. Что-

то уже стерлось в памяти от этой первой поездки, но некоторые моменты отпечатались, как фотографии, местами черно-белые, местами - цветные.

Надо отметить, что штат лесной охраны в заповеднике был укомплектован полностью. Лесников было не менее двадцати. И они выезжали на овечий стан Едихауз регулярно, используя три машины ГАЗ-66. Директор одну машину передал научному отделу. И вот погожим октябрьским деньком мы загрузили в кузов спальники, матрасы и одеяла, которые зам. по науке Сабур Атамуратович приобрел для своих подчиненных. Также в кузов поместились 30-литровые фляги с водой, пара казанов, печка, кумганы и несколько кошм. Собственно такое снаряжение было и у лесников. Кроме нас троих молодых специалистов в пустыню поехал наш начальник научного отдела и два лесника, чтобы показывать дорогу.

Помню водителя по имени Овез. Я время от времени ехала с ним в кабине, потому что дама. Он рассказывал мне про быт туркменских сёл. И про тюрьму, из которой недавно вышел. А сидел он там за то, что попал в аварию, в которой погибла его мать, сидевшая на пассажирском сидении. И что-то мне расхотелось ехать в кабине после этого рассказа. Я поменялась местами с начальником, чему он был очень рад.

Ещё помню, как мы перекусывали по дороге около рыбожарки. Да, именно такое было придорожное заведение, помимо известной чайханы. Рыбу лесники нам доставили прямо в кузов ГАЗ-66. Она была горячая, ароматная и очень вкусная. И удивительно, в ней не было костей. Позже, познакомившись с местной ихтиофауной, я поняла, что это был судак.

От Ташауза до границы Капланкырского заповедника путь не близкий: 300 км. И в пути мы пару раз останавливались у родни и знакомых наших сопровождающих. В каждом доме нас поили чаем и кормили лепешками. Плов не делали. Долго это, да и мы не настаивали. В сёлах жили бедно: мясо ели только по праздникам. А разве это праздник: приезд каких-то русских? Первую ночевку мы запланировали у колодца Чарышли. Но подъезжали к месту уже в темноте и немного заблудились. Так что решили ночевать, где придется. Лесники расстелили кошмы на песке, развели костёр из саксаула, закипятили воду в кумганах. Саксаул горит долго и дает много тепла. Видно так всю ночь наши провожатые у костра и просидели. Водитель спал в кабине, а мы вполне уютно устроились в кузове.

Около колодцев Чарышли. Их тут целый комплекс, так как поят овец на выпасе. Фото из семейного архива

На следующее утро этот колодец всё же отыскали. Осмотрелись: кругом однообразные пески, а заповедник-то создавался именно с целью изучения переходной зоны от глинистых пустынь Устюрта к пескам Каракумов. Поэтому место в песках совсем не подходило для полевого стационара. Но раз уж мы оказались в центре Каракумов, то решили доехать до знаменитого русла Узбой. Это древнее русло, по которому периодически текла река Аму-Дарья с востока на запад, соединяя озеро Сарыкамыш с Каспийским морем.

Русло Узбоя. Фото 2007 года Гучгельдыева О. (из сети интернет)

Это было моё первое и единственно посещение Узбоя. Больше я сюда никогда не попадала. Потому что это южная часть территории заповедника, а мы организовали стационар в северной. Но до сих пор стоит перед глазами глубоченный длинный котлован с водой на дне. А подойти к обрывистому берегу страшно, настолько далеко дно. Упадёшь туда, - и не выбраться.

Ещё запомнилось морозное утро. Даже иней был. Насолько было холодно, что зуб на зуб не попадал. Один из лесников даже шубу свою мне дал. Но как только поднялось солнышко, опять стало жарко. Вот это и есть резко континентальный климат пустыни.

В советское время в пустыне чаще попадались не биологи, а геологи. Они искали и полезные ископаемые и воду. Их брошенные стоянки и даже многолетние стационары попадались нам много раз за годы работы. И вот на первом выезде в пустыню мы увидели живых геологов. Вернее, одного русского парня, грязного и всклокоченного. Он суетно бегал вокруг костра с кастрюлей и приговаривал, как сумасшедший: "макаронны по-флотски, макаронны по-флотски..." Мы переглянулись: как бы и нам такими не стать после нескольких месяцев полевых работ. Посмеялись и поехали дальше.

Так мы и не выбрали место для стационара в эту первую поездку. Но со второго захода всё получилось. Только об этом чуть позже

Мне дали погреться в шубе. Готовлю завтрак и обед одновременно. Фото из семейного архива

Туркменские байки. Болезнь Боткина и бесплатная туркменская медицина.

21 апреля 2023.

В начале декабря 1981 года я летала в Свердловск, где мы выдали замуж нашу любимую подругу. А после приезда в Туркмению заболела. Забыла написать, что я уже прописалась в Ташаузе. Даже улицу помню: Дурды-Клыча. Ну и пошла я в местную поликлинику. Туркменка в белом халате поспрашивала, что со мной, велела принести анализы в баночках. Ну а мне уже и так было понятно, у меня желтуха. Однако врач не могла без направления на анализы и их результатов назначить дальнейшее лечение. Я прошла через эту процедуру и получила "путёвку" в инфекционную областную больницу. Хорошо, что не в городскую. Областная находилась в двухэтажном здании с паровым отоплением, санузлами и горячей водой из-под крана. Ну прям цивилизация, как на Урале. А дело было уже в середине декабря. Так что пошла греться в больничку.

Проходя через почту, позвонила маме, предупредив, чтобы не теряли. Так как раз в неделю я звонила домой. Да и письма вряд ли бы удалось отправить из инфекционки.

Женская палата была на втором этаже в очень теплой комнате около 20 квадратных метров. Там стояло 6 или 7 кроватей. Тесно было, но зато был нормальный санузел. Поскольку в

доме, где мы жили, да и по всему Ташаузу обычным явлением были "сортиры типа очко", это даже меня обрадовало.

Фото ташаузских врачей на работе, 80-е годы прошлого века. Из сети

Надо сказать, что стрижка у меня была короткая, под мальчика. Поэтому женщины сильно возмутились, когда меня завели туда в балахонистом сером халате. Но потом познакомилась. У меня единственной из больничной компании не было детей, поэтому обо мне заботились. Даже успокаивали, когда я редела от тоски и больничных уколов витаминов.

Гепатит А - это эндемичная болезнь Средней Азии. Наверно в условиях уличных сортиров и недостатка воды там болеют все. Вот и я подцепила. Видимо, когда мотались по сёлам во время первого посещения территории заповедника. Ну и иммунитет ослаб после простуды. Ребята как-то держались. Или просто не говорили. В сущности всё лечение сводится к строгой диете и витаминам группы "В". Главное - не заразить окружающих.

В советское время врачей и учителей для Туркмении учили в основном в Ленинграде. И в больницах кадры были неплохие. А медсестер готовили в медучилище в Ташаузе. Но мне ни разу не попала криворукая. Капельницы первые дни ставили часто, но обходилось без синяков.

Ташаузская больница, детское отделение. Фото из сети

Кормили в больнице овсянкой во всех видах и даже отварным фаршем. Женщинам домашние приносили плов и маркапчу (острая корейская морковь). Всё это поднималось на веревке на второй этаж через окно в туалете. Там оно открывалось, а в палате - нет. Я соображала, что это вредно, но милые больничные спутницы тосковали по привычной жизни, угощали меня и удивлялись, что я не люблю ни плов, ни корейскую морковь.

А мама всё же прилетела в Ташауз. И даже один раз переночевала в моей комнате. Потом ей хозяйка выделила комнату с печкой. И слава богу, она не простыла и не заболела тоже. Мама же приносила мне под окно всё, что нужно: протертые овощные супчики и паровые фрикадельки. Ну и конечно письма от подруг и друзей. Только поддержка близких и вселяла в меня надежду на освобождение из больничного плена. Новый 1982 год пришлось встречать в казенных стенах.

Меня выписали как и положено, после хороших анализов в середине января. Прописали диету и минимальные физические нагрузки. Мама через пару дней улетела обратно в Свердловск. Потом я узнала, чтобы купить билеты на самолёт, она продала свои золотые украшения. И любимое колечко, только камушек остался в серванте. На зарплату секретаря-машинистки не разбежишься, а единственную дочь надо было спасать. Слово "желтуха" на Урале звучало страшно.

Горбольница в Ташаузе и её врачи, 80-е годы. Фото из сети

Полтора года спустя, когда наш научный коллектив увеличился, желтухой в явной форме переболели ещё трое. И позже мои дети в детсаду подцепили этот вирус. Хорошо, что у нас были в Ташаузе старшие товарищи, зоологи из Ленинграда с противочумной станции. Они нас просветили и успокоили: желтуха - обычное дело в Средней Азии. Вот холера, - это хуже. И даже как-то мы делали прививки от холеры, когда была плохая эпидемиологическая обстановка в области.

Вот такая история со мной приключилась в первый год жизни на чужбине. Но оптимизма это не убавило. Впереди была весна и полевой сезон.

Туркменские байки. Как я уезжала в пустыню

30 апреля 2022.

А уезжала я туда долго. Вернее сборы были неспешные, благодаря нескольким обстоятельствам.

Ребята, двое орнитологов, Володя и Серёжа, отбыли 22 февраля 1982 г. Им непременно надо было наблюдать пролёт. Поэтому поехали аж зимой. А мне конечно после болезни в холода было нельзя, да и что делать ботанику зимой в поле... Решили, что как почки начнут распускаться, так и поеду. А тут ещё к Сергею собралась приехать в гости жена, Галя. Логично было её дожидаться, встретить и отвезти к мужу, так сказать, непосредственно на место работы.

Но самым главным препятствием к отъезду в мою первую пустынную экспедицию стала азиатская неспешность и пофигизм. Ещё с января во дворе конторы стоял вагончик-бытовка на колёсах. Новенький, с четырьмя спальными местами, с кухонькой, такие газовикам и геологам поставляли. Ну и нам купили. Вот его-то и надо было переправить на стационар в 300 км от города, на самую дальнюю северо-западную точку Ташаузской области, да и Туркмении. Понятно, что дороги трудно было назвать дорогами, - направления. И не могли найти водителя, который бы согласился увезти наш дом в пустыню. Поэтому ребята уехали с палаткой и печкой. Володя несколько сезонов на севере в экспедиции в палатке провёл, поэтому его не смущал такой выбор. Но за холодом февральского Устюрта наступает весенняя жара. И палатка не спасёт от неё. Так что вагончик и его транспортировка на стационар легли на мои плечи.

Весна в 1982 году наступила как-то внезапно, уже в десятых числах марта начали распускаться почки на деревьях, полезла трава на газонах и пустырях. И я пошла поговорить со своим непосредственным начальником, заместителем по науке. А у того - свои проблемы, огород, хозяйство и запой. Вот этого я не ожидала совсем.

Пару дней ловила на рабочем месте директора заповедника. Должность директора по туркменским обычаям не обязывала его постоянно присутствовать в конторе. И виделись мы чрезвычайно редко. И где он отсутствовал, было понятно всем: не в чайниках и заботах о заповеднике, а на своем хозяйстве. Самыми дисциплинированными в конторе были секретарша и бухгалтер. Они были всегда на месте и даже могли подсказать, когда я смогу увидеть руководство. В общем, руководство заповедника не спешило отправлять меня с вагончиком в пустыню. А уже приехала Галя, жена Сергея. И тоже не чаяла встречи с мужем, как и я со своими объектами наблюдений: пустынными растениями.

Но самое главное, мужики были в 300 км от цивилизации без связи, без ружей, без транспорта уже почти месяц. И никто даже не собирался проведать их за это время.

Тут я вспомнила свою комсомольскую молодость, и пошла по инстанциям "бить кулаком по столу". Первым пунктом был начальник лесхоза. Вторым - горисполком или облисполком, ещё не решила. Но и слава аллаху, решать не пришлось, так как первый визит к Пириеву Тату Пириевичу (о! до сих пор помню с благодарностью) дал результаты. Бедного директора заповедника мгновенно доставили "тёпленького" и испуганного в домашних галошах на

ковёр к начальству. И через два дня мы с Галкой уже "мчались" вместе с вагончиком на наш пустынный стационар.

Наш первый стационар. Перед вагоном стоит бочка на 1 т воды, покрытая тентом

А место, куда мы ехали было по рассказам ребят очень интересное. Карстовый район Южного Устюрта, граничащий с песками Каракумов, впечатлил их с первого раза. Тут и глинистые равнины, и песчаные барханы, и провалы с воронками, из которых зимой шёл пар. Несколько пещер с водой, куда на водопой приходили архары. Древнее кладбище над пещерой и следы волков. И чёткие следы прошлой цивилизации в виде построенных водотоков. Это место, где когда-то разливалось озеро Сарыкамыш. Всё это они увидели в январскую поездку в заповедник, и решили, что лучше места для стационара и искать не надо.

***Карстовый провал Южного Устюрта недалеко от нашего стационара.
Скан слайда 1982 г***

Так начиналась моя научная работа и новая жизнь. Встречи с медоедом и волками, каракалом и джейраном, новые находки краснокнижных видов растений и птиц, всё было впереди.

Это я на песках среди любимых цветочков и черного саксаула в начале апреля 1982 г

Туркменские байки. Жизнь в пустыне и встречи с волками

11 мая 2022.

Вот и начался наш первый полевой сезон в пустыне. У ребят-орнитологов с 22 февраля 1982 года, а у меня с 24 марта. Поскольку я прибыла к месту работы на месяц позже, то меня начали инструктировать, куда ходить надо, куда не стоит, а куда и вовсе не соваться. Потому что место стационара было не только привлекательно для биологов, но и очень нравилось волкам.

В трёх километрах от нашего лагеря находился сорокаметровый провал с водой на дне. Вода в пустыне, даже очень солёная, - водопой для животных. А хищники обычно и подкарауливают жертву на водопое. Так вот в этом провале ребята обнаружили множество волчьих следов и их лёжек. А в километре от провала Володя нашёл волчье логово в овраге. Это была огромная нора, куда мог бы пролезть и человек. К норе вела заметная тропа, хотя почва была щебнистая.

Ещё, куда не стоило мне ходить, было древнее кладбище в полукилометре от лагеря. Оно располагалось над пещерой. Именно там в этой пещере с высоким сводом Сергей встретил первого волка живьём. Волк лежал на куче хвороста в 20 метрах от входа. Сначала Сергей услышал рычание, а потом приглядевшись, увидел взъерошенный загривок волка и его глаза. Ну что делают истинные исследователи природы: бегут в лагерь за фототехникой, чтобы запечатлеть живой объект. Вот и Сергей побежал. Вместе с Володиёй, фотоаппаратом с чувствительной фотоплёнкой и лопатой для обороны они быстро вернулись обратно. Но волка уже не было на месте. А ветки остались, наверно человек ночевал тут когда-то, может быть даже басмач какой-нибудь в 20-ые годы...

Пещера с лежбищем волка. Скан слайда автора. Апрель, 1982

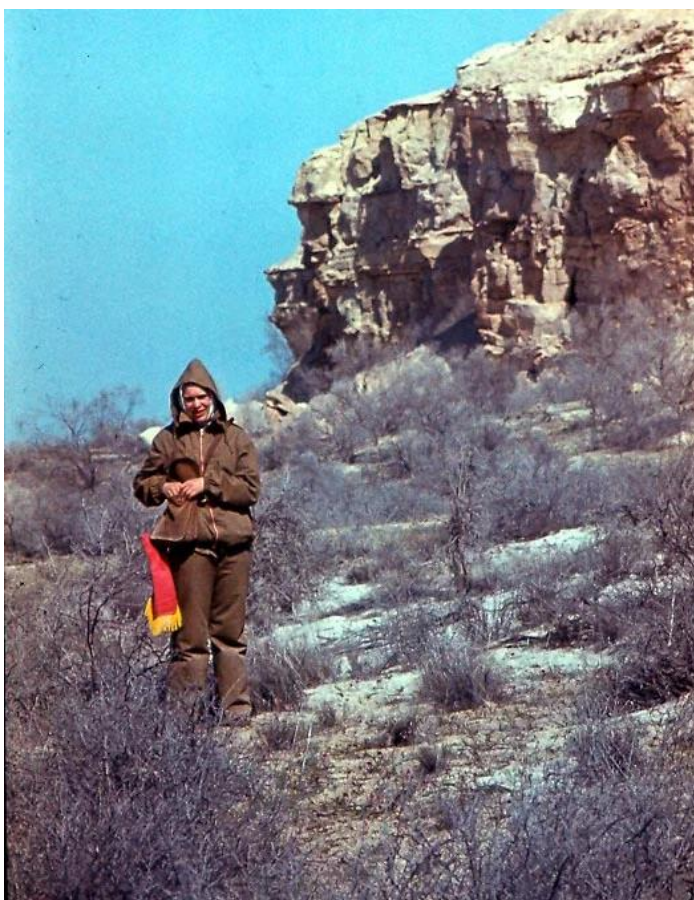
И ещё волки были встречены на плакоре (почти плоская равнина между оврагом и обрывами Сарыкамьшской впадины). На плакоре с его низкой полукустарничковой растительностью гнездились несколько видов жаворонков и каменки. Сергей заложил там маршрут на несколько километров для учёта птиц. Может быть он занял волчью тропу, а может протоптал так свою, что волк увидел в нём конкурента. Но однажды они встретились. Орнитолог обычно смотрит в небо, поэтому Сергей только краем глаза обнаружил волка в 100 метрах от себя. Надо сказать, что наш товарищ был штангистом и весил немало, поэтому самонадеянно решил, что с мелким пустынным волком справится, и пошёл дальше по маршруту. А волк не отставал, делал обходные манёвры и явно загонял жертву. Вот тогда Сергей решил прервать учёт и повернул назад в лагерь за каким-нибудь оружием. Причём делал это очень быстро: бегом. На соседнем плакоре Володя в бинокль увидел бегущего товарища и решил, что надо помочь. Но Серёжа взял нож и пошёл делать учёт дальше, не пропадать же погожему утру...

В первый год работы единственным транспортом у нас был велосипед. По пескам не поехать, но по глинистым почвам и дорогам на возвышенных равнинах вполне можно было сократить время в пути. Однажды Володя поехал в дальний поход под чинк(обрыв) Устюрта. Спустившись вниз он обнаружил пески, поэтому пришлось идти уже пешком, а велосипед вести рядом. И тут впереди в 50 метрах появилось облако пыли. В бинокль стало видно, что это волк раскапывает нору длиннопалого суслика. Увлечшись наблюдением за процессом охоты Володя лишь боковым зрением увидел, что кто-то шевелится в пяти-шести метрах от него. Пока он наблюдал за одним волком, второй волк стоял рядом и разглядывал невиданного двуногого зверя. Ведь до ближайшего человеческого жилья 300 км, и даже отары овец сюда не гоняют. Тут Володя испугался: двое волков - уже стая. И направил велосипед на серого. То ли бряканье механизмов, то ли блестящий руль напугали хищника: он убежал. Последовал за ним и второй, который всё таки отрыл и съел суслика.

Чинк(обрыв), сверху находится плакор (плоская равнина), снизу обычны пески, заросшие саксаулом и другими кустарниками. Скан слайда автора, март 1982

У ребят были охотничьи ножи. А у меня всё равно сил мало, чтобы справиться с волком. Поэтому где-то с месяц я ходила с красной тряпкой на поясе, которая, по идее, должна была отпугнуть волков. Это был выпел "Бригаде коммунистического труда", который приехал вместе с вагончиком.

Я действительно таскала выпел на поясе. Это не шутка. Март, 1982

Первое время я не уходила далеко от лагеря, да и ребята за мной в бинокль приглядывали. Это потом, когда стало тепло, а еды для волков - предостаточно, мне позволили уходить от лагеря на 5-6 км.

Лично я волка живьём в тот год близко не видела. Только позже с самолета мне показали бегущего по пустыне хищника.

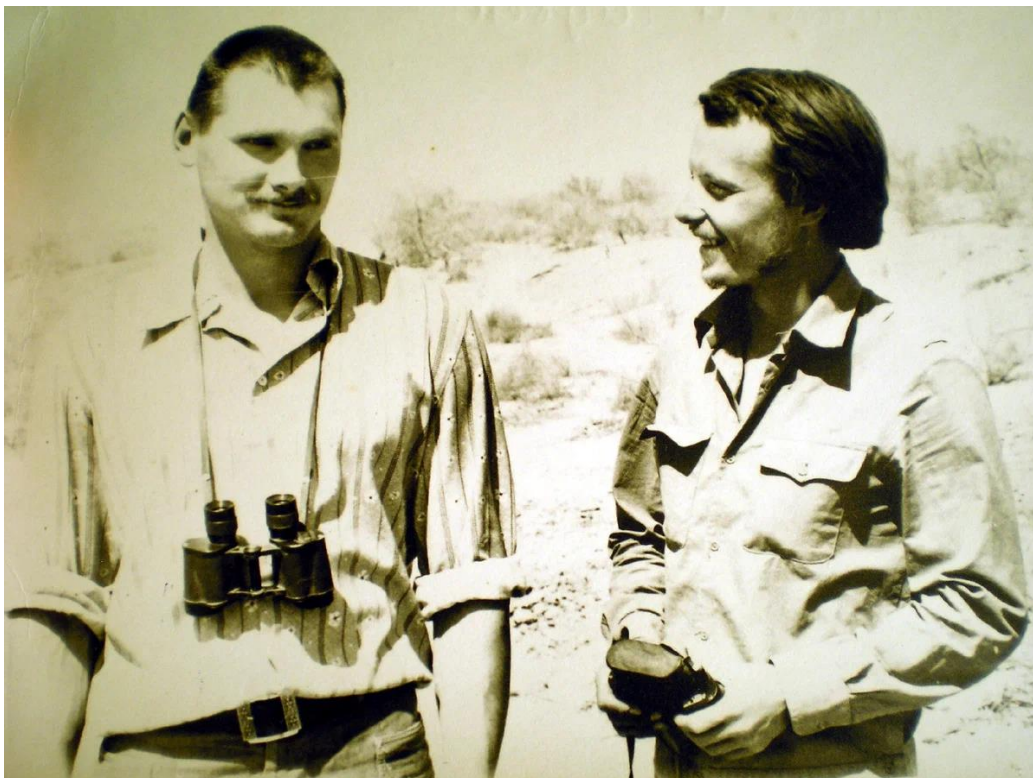
Но были и приятные встречи с животными пустыни, о которых тоже расскажу. Продолжение следует.

Туркменские байки. Как о нас писали книжку и фотохроника первого сезона

21 мая 2022

Когда ребята уехали в пустыню в феврале 1982 года, и целый месяц их никто не посещал,

мне казалось, что никому мы не нужны кроме науки и родных.

Сергей Антипов и Володя Шубенкин, первые поселенцы Бурчли, так назывался наш стационар и чинк неподалёку от него

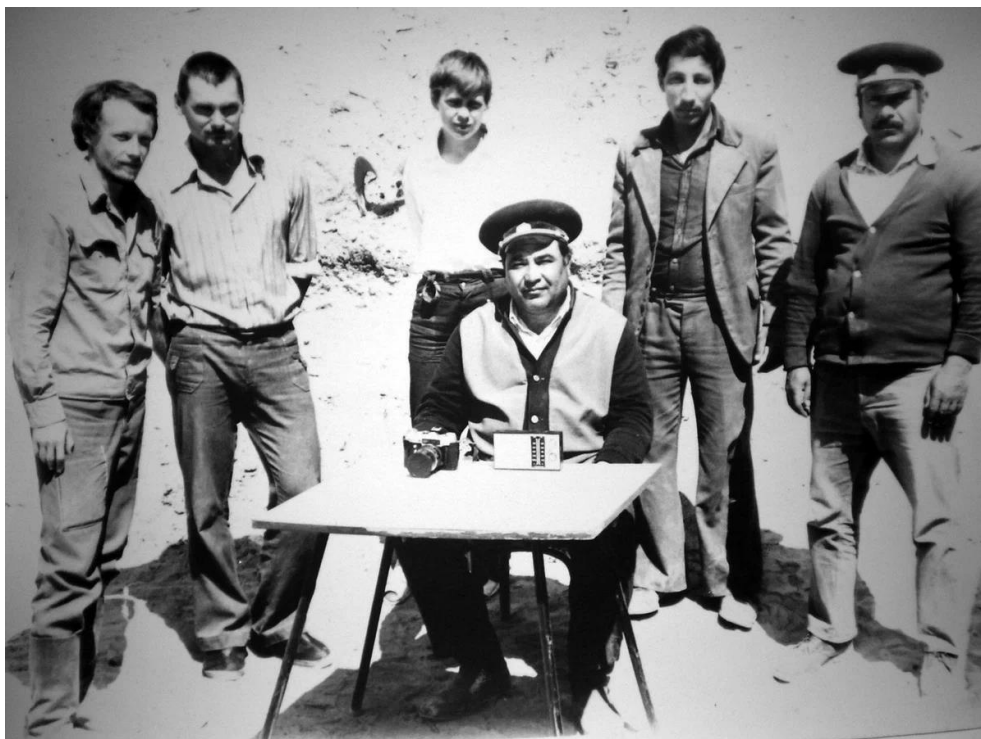
Но всё дело оказывается было в погоде. Как только потеплело, мимо нашего стационара началась такая движуха, что мы только и успевали, что встретить-проводить. Порой и на маршрут не успевали. Ведь по туркменской традиции гостей бросить нельзя.

Первыми приезжими были спелеологи-археологи из Москвы. Обследовали карстовые пещеры и пещеры, в которых селились люди в древности. Благодаря их снаряжению удалось спуститься в пещеру с очень узким и крутым спуском. И там на дне оказалось зеркало воды. Это была единственная недоступная для нас пещера в окрестностях.

Потом периодически заезжал на чай к нам верблюдовоз Боря. Как сейчас бы сказали: дальнбойщик. Он перевозил верблюдов на продажу из Красноводска в Ташауз.

Из Алма-Аты прилетал ученый по фамилии Ёлкин. За его счёт ребятам удалось сделать авиаучет джейранов и гнёзд хищников в заповеднике. Володя на этом кукурузнике слетал и в Красноводск, и к Аральскому морю.

Но однажды к нам приехал десант пишущей братии. Это были журналист с фотокорреспондентом из Ташаузской правды и известный ашхабадский писатель Василий Шаталов. На память от местной газеты у нас остались качественные фото весны 1982 года

Наш научный отдел и усаый водитель. Сидит зам. по науке с нашей научной аппаратурой

А от писателя осталась на память глава в его книге "Рассказы змеелова". Глава называется "Тигровое плато". Так почему-то он перевёл название оконечности Южного Устюрта, где мы работали: Каплан-Кыр. Каплан - это кошка на тюркских языках. Мы считали, что это гепард. До конца 50-х годов он обитал в Ташаузской области, где была кормовая база из стад джейранов. С развитием овцеводства и охоты на машинах поголовье джейранов катастрофически сократилось, и гепарды исчезли. Но в принципе тут мог обитать и туранский тигр, когда Сарыкамыш разливался и его побережье заболачивалось и зарастало тугайной растительностью, а люди занимались земледелием на орошаемых землях. Но было

это очень давно, в 13-14 веке. С тех пор остался след недалеко от нашего вагончика: кладбище с сохранившимися надгробиями, датированными учеными именно этим временем.

Туркменские байки. На передовой туркменской науки

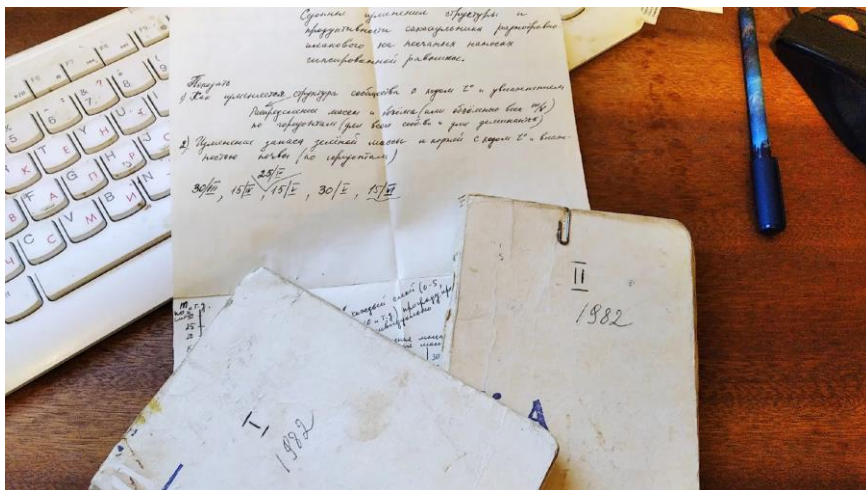
3 октября 2022

В 1982 году я пробыла в поле, то есть на территории Капланкырского заповедника с конца марта и по конец июня. Три непростых месяца и по климатическим условиям, и по бытовым. Для чего всё это было нужно...

Наш небольшой научный коллектив закладывал основы слежения за природой заповедника. Собранные в полевой сезон данные по разнообразию и численности растений и животных стали отправной точкой для этого. До нас тут никто не исследовал природу в динамике. Разве что редкие экспедиции натуралистов, которые были проездом в конце 19-го и в середине 20-го веков, собирали отрывочные сведения о живом мире в переходной зоне Каракумов и Южного Устюрта.

Уезжая в пустыню, мы чётко представляли, что итогом работы должна стать Летопись природы-1982. Это основной отчёт научного отдела всех заповедников СССР с чёткой структурой и требованиями. Но на месте я поняла, что материала настолько много, и он настолько интересен, что в рамки отчёта точно не влезет. Уже в пустыне я набросала тезисы

двух статей которые планировала опубликовать в журналах АН Туркмении.

Мои полевые дневники и тезисы, 1982 год. Сохранились в семейном архиве

Та же ситуация была и у ребят с птицами. Сергей развивал математические методы, а Володя начал сбор материала по экологии видов птиц, переменнно гнездящихся в условиях пустыни.

В июле мы поехали в Ашхабад в Академию наук на консультации со специалистами. Я же ещё повезла большой чемодан с гербарием на определение. В Ботаническом институте был хороший Гербарий, в котором не возбранялось трудиться. Это целое подразделение института с немаленьким персоналом и, главное, с большим хранилищем. Пока я работала

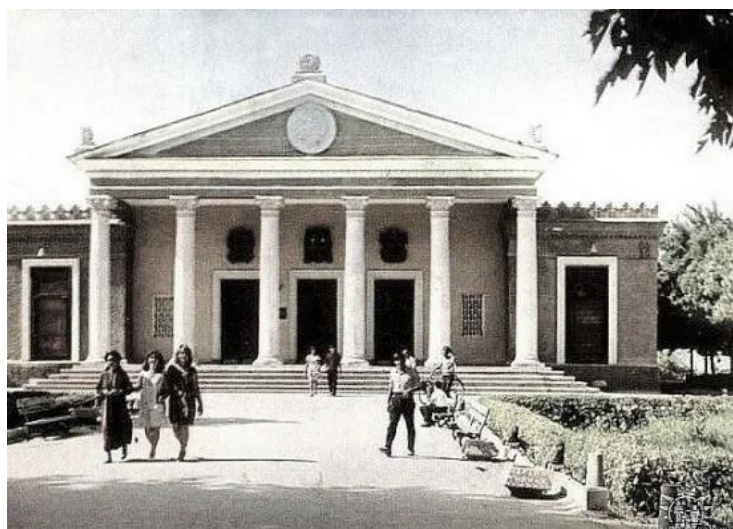
там, мне попадались гербарные листы, собранные в начале 20-го столетия. И свои гербарные листы я оставила там на хранение. Всё же район мало посещаемый, а уж свежих сборов и подавно нет. И меня считали там героем, даже приходили посмотреть на девушку, которая у черта на куличках три месяца провела.

Академия наук Туркмении. Сюда мы ходили в научную библиотеку. Фото из сети

Уже не помню, но две или три недели июля мы провели в Ашхабаде. И это хорошо. Так как в учреждениях этой южной столицы работали исправно кондиционеры. А в Ташаузе в нашем доме в этот самый жаркий месяц было душно и невыносимо.

Поселились мы тогда у знакомых на усадьбе Копетдагского заповедника в посёлке Берзенги недалеко от Ашхабада. Каждое утро приезжали в город на рейсовом автобусе. Иногда ходили на русский базар за продуктами. Был такой в Ашхабаде в те времена. Был и русский драматический театр имени Пушкина., были и русские школы. А в кинотеатрах крутили такие же фильмы, что и по всей стране.

Русский драмтеатр имени А.С.Пушкина. Фото из сети

Один раз мы с Володей даже съездили на Кара-Кумский канал. Туда ходил рейсовый автобус до зоны отдыха. В этом месте был обустроенный песчаный пляж, зонтики, люди загорали и

купались. И мы искупнулись в водах знаменитого среднеазиатского канала. Хотя приятного было мало. Вода была мутная и почти горячая, точно выше 30 градусов.

Каракумский канал, 2014 год. Фото из сети

Тогда-то мы и поняли, почему горные ущелья с речками пользуются большой популярностью у местного населения в выходные дни. Именно в районе Берзенгов и было такое местечко, и автобусы туда в выходные были переполнены.

Вернувшись в Ташауз, в душный частный дом, где мы проживали, стали побыстрее собираться на Урал в отпуск. Впереди были встречи с однокурсниками, обмен впечатлениями после первого года самостоятельной жизни и работы. А ещё мы ждали пополнения нашего научного отдела новыми сотрудниками, выпускниками нашего биологического факультета. Теми, кто был младше нас на курс. И их было пятеро! А продолжение следует.

Спасибо, друзья, что читаете мои воспоминания. Рада буду вашим комментариям.

С уважением, Елена

Туркменские байки. Первый отпуск, и: в нашем полку прибыло **16 октября 2022.**

В августе 1982 года мы уезжали в свой первый трудовой отпуск. Поскольку багажа было много, а денег мало, решили все втроем ехать на поезде через Оренбург. Среднеазиатские поезда тех лет сейчас вспоминаются, как военные. Тьма народу, сидят и лежат в проходах, на третьих полках. Не важно, какой у тебя билет, ты будешь сидеть там, где свободно. И не дай бог выйти в туалет, потом будешь долго стоять и ждать, когда кто-то тоже отлучится, чтобы занять его место.

Но самым ярким впечатлением был арбуз. Арбуз, брошенный в окно, когда поезд проходил мимо какого-то пустынного казахского посёлка. Тяжёлый арбузище разбил стекло и упал на

боковушку, где спал Сергей. Он в ужасе соскочил, стряхивая с себя осколки стекла и ярко-красные куски мякоти. Мне тогда показалось, что ему расшибли голову вплоть до мозгов. Но к счастью остались лишь царапины, которые тут же замазали йодом.

В Оренбурге мы пересели в другой поезд, уже нормальный. И ещё помню, как в Орске во время стоянки вагон заполнился ароматом спелых яблок. Человек десять пробежали по вагону с ведрами и сумками наливных летних яблочек. Только на последнем я сообразила купить их за три рубля ведро, не устояла перед запахом и ещё увеличила вес своего багажа. Как домой всё дотащила, так и не поняла. Такси тогда не пользовались, наш научный отдел разъезжался по домам на общественном транспорте: Серёжа на автобусе, Володя на электричке в Нижний Тагил, а я на троллейбусе на Уралмаш.

Хоть многие и считали, что мы как-то странно сорвались в Туркмению, а поработать можно было и поближе к родному Свердловску, но у нас появились последователи! Следующий после нас курс биологов широкого профиля (так записано у всех в дипломах 80-х годов выпуска) пополнил ряды научного отдела Капланкырского заповедника. Если нас было трое, то новая партия насчитывала пять человек. Это были две молодые семьи биофаковцев: Черновы Володя и Лена, Затоки Андрей и Женя, и Таня Иванова, геоботаник с моей кафедры, давняя соратница по работе в Дружине охраны природы (ДОП) и по походам по Уралу. Хотя и остальные участники свежего туркменского десанта активно работали в ДОПе. Где как не в заповеднике трудоустроиваться охранникам природы?

И вот мы собрались в дальнюю дорогу. И снова на поезде. Мне честно говоря было страшно после летней поездки. Но за компанию поехала. И время в пути до Оренбурга пролетело незаметно. И хорошо, что в осеннем среднеазиатском поезде было немногочленно. Кроме пяти выпускников Уральского госуниверситета имени Горького к нам присоединилась ещё одна выпускница биофака из Ижевска, Люда Митрошина, по специальности энтомолог. Так что научный отдел у нас увеличился солидно: с трёх до девяти человек.

Наш научный отдел на демонстрации 7 ноября 1982 года. В чёрном костюме директор Гутлы. В шляпе начальник областного лесхоза. На фото нет Серёжи, а Володя фотографирует.

Для начальства Заповедника такое увеличение штата было очередной головной болью. Но сначала мы шокировали нашу хозяйку Тазигуль, когда ввалились на ночь глядя в её дом. Перед этим мы напугали в округе всех собак, пока вдвоятером пешком шли с ж/д вокзала по частным кварталам на нашу незабвенную улицу Дурды-Клыча.

Ну и как водится руководство заповедника отправило приехавшую молодёжь в городскую гостиницу. Но в этот раз гостиница была дорогая, народу много, а руководство в Ашхабаде бдительно. И вот у конторы заповедника на улице Ильяхинской поставили вагончик-бытовку на шесть спальных мест. По мне так это выглядело издевательством. Но ребята были рады хоть и такому, но собственному жилью.

Тут Володя, как самый старший по возрасту, а к тому времени и старший научный сотрудник, решил действовать. Напечатал ходатайство в облисполком от имени директора, поставил печать и получил росчерк нашего директора Гутлы. На наше счастье тогда у власти был русский товарищ с такой хорошей фамилией Папин. И он взял нас под своё крыло. Через день нам выдали ключи от общежития в новом благоустроенном доме. Это была 4-х комнатная квартира, в Ташаузе это не редкость. Семьи в Туркмении большие, поэтому застройщики возводили в основном квартиры в 3 и 4 комнаты. Жители предпочитали селиться на нижних этажах, так как на последних были проблемы с водой. Вот наверно нам поэтому и досталась так быстро квартира, кто-то видно отказался брать жильё на четвёртом, последнем, этаже. Кстати, с водой, сколько мы там ни жили, было всё хорошо.

Так что ребята прожили в вагончике всего несколько дней. А потом был их первый выезд в пустыню. А кое-кто остался, чтобы осуществить побыстрее переезд. Но об этом позже. Продолжение следует.

Туркменские байки. О семейной жизни биологов

30 октября 2022.

По мере развития событий мне нужно конечно написать историю нашей семьи. То, что она биологическая, не редкость. На нашем курсе, численность которого была всего 50 человек, образовалось за пять лет учёбы семь семей однокурсников. А ещё с десятков - с биофаковцами других курсов, младше или старше. Да и в наш заповедник новое пополнение в 1982 году прибыло уже с двумя такими же семьями.

Феномен семейственности витал на нашем факультете уже с самого первого курса.

Камерность биофака УрГУ (всего две группы по 25 человек) создавала атмосферу уюта и взаимопомощи. А преподаватели были нам как родители. Тем более большинство абитуры приехало в Свердловск из других городов и посёлков. Они жили в общежитии, не очень благоустроенном, что тоже способствовало не только сплочению курса, но взаимоподдержке и взаимопониманию. И безусловно нас всех объединяло трепетное отношение к живому, любовь к природе и жизни.

Надо сказать, что мы как студенты не только ездили на картошку в сентябре с первого по четвёртый курс. У нас было ещё одно неформальное и более интересное мероприятие: полевая практика. Нас увозили на Биостанцию под Сысерть на целый месяц после сдачи летней сессии первые два года. А после третьего курса уже ездили по выбору: заповедники, известные научные лаборатории и институты, научные экспедиции в зависимости от того, кто на какой кафедре учился. И тоже небольшими компаниями: на каждой кафедре было по 7-10 человек.

Полевые условия, не самые комфортные, а даже скорее экстремальные, раскрывают характер и душевную организацию человека как нельзя лучше. Вот и в первый год нашей работы в пустыне мы с Володей поняли, что нам интересно вдвоём. А забота друг о друге - первое непреложное правило в поле. Пошёл на маршрут, - сообщи куда и на сколько. Если задерживаешься, тебя пойдут спасать. Ну или по крайней мере будут просматривать в бинокль окрестности. Я была в этом плане совершенная раздолбайка, уходила без предупреждения и часто получала выговор от Вовы. Он волновался за мою жизнь. Вообще-то никто не делал этого кроме моих родителей раньше...

Как-то мы вместе возвращались с маршрутов, довольные результатами, живо обсуждая новые находки. Сергей в это время был около вагона, заряжал свой плёночный фотоаппарат. Увидев нас, сказал: "Ну что, вставайте, сделаю вам сейчас свадебную фотографию". Слова его были пророческими. Вот это незабываемое фото: Южный Устюрт, стационар Бурчибурун, июнь, 35 градусов жары.

Наше первое семейное фото, июнь 1982

После отпуска по приезду обратно в Ташауз мы стали жить вместе. И нам в общежитии заповедника, 4-х комнатной квартире, выделили комнату как семейным. Но официально мы расписались в ЗАГСе летом 1983-го.

Туркменские байки. Научные конференции как способ посмотреть мир

6 ноября 2022.

Ну, про мир образно сказано. Дальше СССР мы не уезжали. Но доброе руководство заповедника никогда не препятствовало нашему участию в выездных научных мероприятиях с осени по весну.

Москва, Ленинград, Киев, Минск, Уфа, Казань, Свердловск, Ташкент, Алма-Ата и плюсом все заповедники Туркмении, вот неполный перечень тех точек, где побывали научные сотрудники нашего заповедника. Наверняка что-то забыла, с ходу вспомнила орнитологические и ботанические выезды.

После первого полевого сезона нас пригласили на научную конференцию по вопросам развития заповедников Средней Азии в Алма-Ату. Во время нашей пустынной эпопеи к нам из этой столицы Казахстана прилетал научный сотрудник по фамилии Ёлкин. Он-то и выслал нам приглашение на пять персон: с проживанием в комфортабельной гостинице и полным пансионом на неделю. От таких предложений не отказываются. Да и сказать уже было чего. Я и Володя приготовили доклады по своим темам. Сергей отказался ехать. Вместо него поехал наш герпетолог из свежего пополнения Андрей Затока. А вместо зама по науке энтомолог Митрошина Люда, которая тоже начала свою трудовую деятельность в заповеднике с осени. Директор наш не отказался, ему нельзя было, так как в Алма-Ату прибыло и руководство из Министерства.

На научном семинаре в Ташаузе. 1992 год

Заседания были необременительны. На интересные, связанные с Кара-Кумами и Устюртом, мы ходили. А свободное время проводили в городе. Об этом я подробно написала своей подруге в письме. В декабре 1982 года отдел заповедников направил троих "старичков" на повышение квалификации в Ташкент. Хотя у нас и было образование престижного ВУЗа, но послушать лекции преподавателей Ташкентского университета не мешало. Так же нам обещали провести практические занятия с научными сотрудниками гербария и ботсада. Интересно было конечно познакомиться и с ребятами, которые так же как и мы, совсем

Заседания были необременительны. На интересные, связанные с Кара-Кумами и Устюртом, мы ходили. А свободное время проводили в городе. Об этом я подробно написала своей подруге в письме. В декабре 1982 года отдел заповедников направил троих "старичков" на повышение квалификации в Ташкент. Хотя у нас и было образование престижного ВУЗа, но послушать лекции преподавателей Ташкентского университета не мешало. Так же нам обещали провести практические занятия с научными сотрудниками гербария и ботсада. Интересно было конечно познакомиться и с ребятами, которые так же как и мы, совсем недавно приехали работать в заповедники Средней Азии.

Вот здесь график занятий был очень напряжённый. Мы даже Ташкент толком не посмотрели. Но зато мы познакомилась с новыми друзьями и замечательными учёными. Потом нам выдали удостоверения, на основании которых присвоили статус старших научных сотрудников и повысили зарплату. Аж на 20 рублей.

Занятия в Ташкенте заканчивались в конце декабря. А большинство участников были из России родом, кто из Ленинграда, кто из Москвы, кто из Казани. И мы уговорили преподавателей отпустить нас пораньше, чтобы встретить Новый Год в родном доме.

И вот из Ташкента мы улетели в Свердловск. И не зря. Мы повидали не только родных, но и встретились курсом на праздновании Нового года.

Наш научный отдел (не весь), смотрим фотографии. Сзади всех стоит мой папа. 1987 г.

Мы и во время учёбы три раза встречали новый год с однокурсниками, как правило у кого-то дома. А эта встреча была очень эмоциональной. Все делились впечатлениями о своей работе. И нам было что рассказать.

Вот так прошёл очередной календарный год, 1982-ой.

Сожалею, что про Туркмению в этой заметке не было почти ничего. Но из песни слова не выкинешь... Ездили мы по стране немало.

Туркменские байки. Осенние выезды в пустыню: недолгие, но запоминающиеся **13 ноября 2022.**

В первый год нашей работы в Капланкырском заповеднике мы один раз были в пустыне осенью. Это было вообще первое знакомство с тем краем и людьми, где нам предстояло работать. И впечатления были поэтому самые незабываемые.

А уже во вторую осень мы посещали пустыню с вновь прибывшим пополнением нашего научного отдела. Теперь у них были восторги и восхищения. А мы как уже опытные пустынные показывали, рассказывали и подкалывали новичков. Как без этого? Юмор нам строить и жить помогает.

В октябрьский (15.10.-19.10.82 г) выезд я не поехала, так как дорога моя лежала в Оренбург. Но почти все потом со мной поделились впечатлениями от поездки. Во-первых, встретили барханного кота на песчаном участке пустыни. Ну это такой красавец, что трудно им не любоваться. Однако встреча случилась ночью. И два сияющих глаза в отблесках фар машины, напомнили привидение. Кот от слепящего света был ошарашен и обездвижен. Так что вся толпа, вывалившись из кузова ГАЗ-66, хорошо рассмотрела его и даже сумели обмерять. Но как только фары выключили, барханный кот бесследно исчез в придорожных кустах пустынной растительности. Возможно у ребят и остались снимки, но не та была фототехника раньше...

Во-вторых, всю дорогу Таня Иванова ждала встречи со страшной пустынной скотоцеркой. Володя прям напугал таким именем всех. Вот что делает незнание фактического материала. А это просто была маленькая птичка из славковых, которая в изобилии гнездилась весной на нашем стационаре Бурчлибурун. Гнёзда у неё, как варежки, с узким входом и хорошо теплоизолированные.

Новые сотрудники научного отдела осенью 1982 г: Затока Женя, Чернов Вова и Иванова Таня (слева направо). Фото из архива Черновых

Обязательные встречи с верблюдами безусловно тоже были. И встретили даже следы лесного браконьерства: площадки выкорчеванного чёрного саксаула. Ребята побывали тогда и на озере Сарыкамыш, где присмотрели себе место для стационара. Это урочище Мергенашан - бывшее древнее русло реки Амударьи.

Урочище Мергенашан недалеко от озера Сарыкамыш, северная Туркмения. Фото из архива Черновых

А вот в ноябре я всё же тоже съездила в поле. На этот раз мы с Володией и Черновыми, тоже Леной и Володией, побывали на территории Сарыкамышского заказника. Выезжали с целью описания его границ и дальнейшего составления Положения для утверждения в Областном лесном управлении. Этот заказник на берегу озера Сарыкамыш предполагался для реакклиматизации кулана. Давным-давно куланы водились в этих краях, но были истреблены. А в Кушке, в Бадхызском заповеднике, в 80-е годы восстановили поголовье кулана настолько, что могли расселять его в другие заповедники и заказники.

Контора Сарыкамышского заказника и начальник его (второй слева) Аннамед Шануров

Мне эта поездка запомнилась не только изрезанными берегами озера и бескрайними полынными пастбищами, но и уникальным посёлком Казанлы. Где не было электричества, газа, воды. Посёлок жил и зарабатывал на разведении овец и верблюдов. Домов из глины было совсем мало, в основном юрты. И мы даже в одной юрте обедали и отдыхали.

Мы с Леной Черновой (справа) около гостеприимной юрты. Обратите внимание на мальчика справа: он босиком

Несмотря на бедность жуткую, нас накормили пловом с бараниной и напоили вкусным чаем с кристаллическим сахаром.

И ещё мы сделали авиаучет осенью 1982 года. Самолёт АН-2 стал на десять с лишним лет нашим верным помощником. А лётчики местного авиапредприятия - хорошими знакомыми и друзьями. Мы и жили с ними в соседних домах и кварталах.

Туркменские байки. Про осень, про зиму, про полевые -1983.

4.12.2022.

Так получается, что мои туркменские рассказы выливаются в коллективный труд. Потому что мы не порвали связей нашего научного отдела. Все разъехались из Туркмении после развала СССР: Урал, Подмосковье, Крым... Но переписываемся, встречаемся, а наши выросшие дети дружат, как и в те далёкие годы туркменской жизни. Поэтому рассказы в Дзене коллеги читают, комментируют, дополняют. Чему я

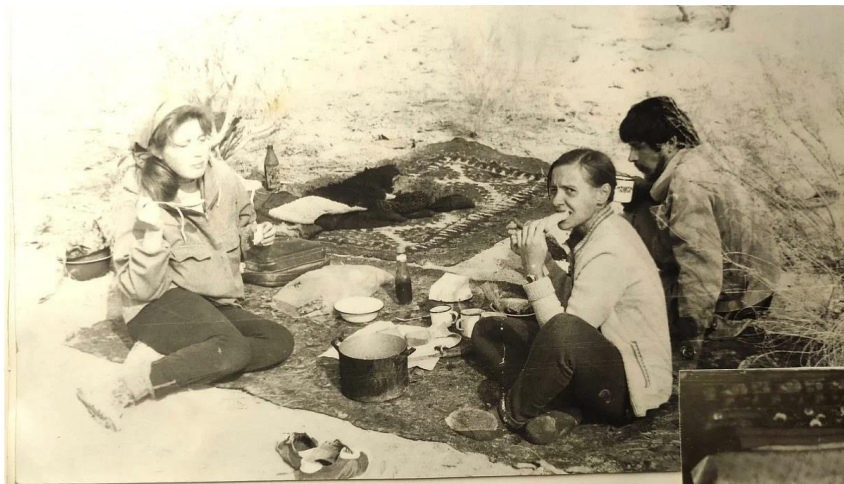
очень рада. А Лена Чернова давно уж призывала всех Капланкырцев написать воспоминания. И вот её лепта. Сегодняшняя публикация — это

Воспоминания Черновой Лены

"Через месяц после свадьбы мы отправились к месту нашей будущей работы в Туркмению. Все наши вещи вошли в два станковых рюкзака Ермак и два чемодана. Один рюкзак почти весь с книгами, в остальной поклаже одежда и две подушки из моего приданного)). Очень бы хотелось вспомнить что еще мы тогда везли с собой, но к сожалению в памяти ничего не осталось. Был фотоаппарат ФЕД, бинокль. А , да ,была старая биноккулярная лупа на штативе, которую Володя взял у родителей. В первое поле мы ее брали с собой и использовали при определении растений, рассматривая опушение и другие мелкие особенности у проростков. Нам так хотелось скорее узнать всех по именам, а в первое поле мы выехали очень рано и ждать, когда появятся цветочки ,пришлось долго. Более того , первое поле было у нас очень неудачным (завершилось преждевременно из-за болезни). А пока мы весело ехали в незнакомую страну, полные энтузиазма. Нас не расстроила шутка проводника, который, как порядочный, пришел к нам в купе и спросил: «Постель брать будете?». Мы хором: «Да», он же, не смущаясь ответил: «А нету.». Мы ещё пуще развеселились и потом долго повторяли при удобном случае : «А нету!». Когда за окном начались степи, а потом и пустыни с верблюдами, мы не могли оторваться от окон. Был и печальный момент: при пересадке в Оренбурге был утерян рюкзак, в котором лежала готовая Летопись природы – итоговый труд первого научного отдела за год работы. По приезду пришлось ее восстанавливать, а это, на минуточку, без компьютеров..

Первую ночь переночевали в частном доме, где квартировали ребята,приехавшие в прошлом году. Потом мы, вновь прибывшие, некоторое время жили в новой гостинице, будучи там первыми клиентами. Но,видимо посчитали, что это слишком для нас и выделили вагончик около конторы. Внутри две пары нар двухэтажных, столик и шкаф, а нас- две семейные пары и две незамужние девушки. В тесноте, да не в обиде, как говорится. Вскоре состоялся выезд на территорию заповедника и мы остались в вагончике вдвоем: я и Татьяна Иванова. Рядом с конторой был сад с дачей, где принимали высоких гостей. В то время там никого не было и мы с Таней там гуляли. Впервые попробовала настоящий виноград. На оголенных лозах изредка висели забытые грозди, и мы их рвали с Таней. Это были «дамские пальчики», чуть подвяленные, прозрачные до косточек, ели немые и пальцы накрепко слипались от сока.

Яркое воспоминание)).

Перекус в пустыне. Фото из архива Черновых

А вскоре нам вручили ключи от 4х комнатной квартиры на весь наш коллектив научного отдела. Впервые мы зашли в квартиру с нашим начальником и обмыли ее, выпив финского клюквенного ликера из перламутровых дешёвых пиалушек. Кстати, ликер был потрясающий, в России такого (наверное) и не было. Мы потом его покупали в подарок ,когда ездили домой. Но он вскоре и в Туркмении пропал.

Три семейные пары поселились в отдельных комнатах, а наши девушки и Сергей в проходной, изобразив ширму из простыни. Пришлось много заниматься бытом. Рядом была школа и мы обнаружили там брошенную на улице мебель. Вечерком мы туда наведались и натаскали досок в квартиру, понастроив из них кто что мог. У нас с Володей получился секретер. Потом мы купили холодильник, а из коробки сделали шифоньер. В конторе нам выделили матрасы и ватные одеяла и подушки (Всё ватное, их шили в женской тюрьме, что была на окраине города.). В магазинах было полно постельного белья (в России в то время оно было в жутком дефиците: моя матушка, снаряжая меня в замужество, с великим трудом раздобыла один комплект и мать подруги поделилась запасами). Из конторы нам отдали старую разобранную стенку темной полировки. Она пошла на общественные нужды: кухню, коридор. За этими хлопотами и больше обсуждениями предстоящего полевого сезона прошла наша первая зима в Ташаузе, областном городе расположенном на севере Туркменской ССР, ближайшем городе к территории Капланкырского заповедника.

Лесной отдел Капланкырского заповедника -1982. Фото из архива Черновых

Мы научились ориентироваться в городе, в магазинах, разбираться, где что и как лучше купить, налаживали связи: познакомились с сотрудниками Противочумной службы (нам надо было поставить противочумные прививки) и обнаружили взаимный интерес и симпатии. Эту дружбу мы пронесли через многие годы. Ездили в Ашхабад решать необходимые вопросы. Изучали всю имеющуюся литературу. Нам так не терпелось начать настоящую работу, что в первое поле мы выехали аж в феврале! Наш стационар решили поставить в ущелье Мергенашан - старом высохшем русле недалеко от озера Сарыкамыш, в 300 км от города. Нам привезли всё тот же вагончик и бочку с питьевой водой. А сами мы приехали на ГАЗ66. Сначала дорога была приличная асфальтированная до последнего населенного пункта, по пути встречались транспаранты с текстом: « Внимание! Дорога проходит по безлюдной и безводной территории». Хотели сфотографировать впоследствии, но они исчезли почему-то.

Первый стационар в ущелье Мергенашан, февраль, 1983. Слева направо: Чернова Лена, Иванова Таня, Затока Женя. Фото из архива Черновых

В вагончике нас было шестеро: мы с Володей, Затоки тоже вдвоём, Татьяна и мальчик Бахтияр (имя помню приблизительно) (типа лаборант)). На 23-е февраля мы сделали нашим мужчинам газету, но в процессе изготовления капнули внизу большую кляксу. Решили сьюморить: подписали « Не будьте такими каками». А потом выяснилось, что «кака» по-туркменски папа))))). Ущелье было очень живописное около 5 км длиной. От него отходили многочисленные овраги.

Мы каждый день ходили разными маршрутами, изучая местность. Растительности практически не было, а однажды мы нашли мёртвого барсука. Он лежал, будто спал на дне одного из оврагов. Принесли на стационар и устроили вскрытие в перчатках и под протокол. Видимых поражений не обнаружилось. Возможно, умер от голода. Череп выварили для коллекции, жир стопили мазать ботинки, а шкуру мездрили уже на обеденном столе, холодно было на улице. Шкуру потом выделывал профессиональный таксидермист, но кожееды все равно ее съели.

Андрей Затока занимался герпетофауной, Женя Затока –грызунами, Володя птицами, крупными млекопитающими, а мы с Таней Ивановой флорой. Лаборант наш уехал с первой же машиной, которая приехала к нам.

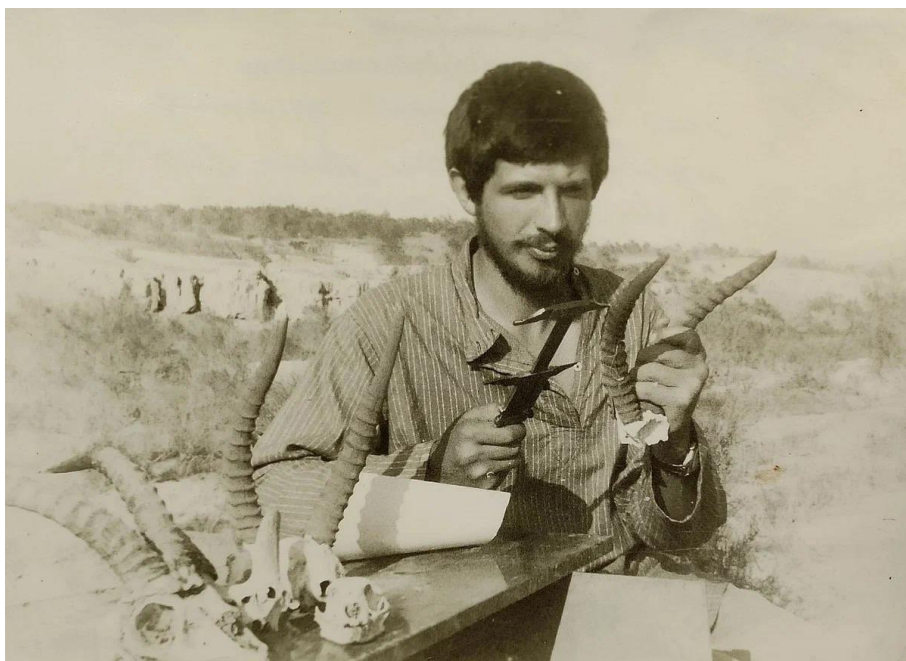
В конце марта к нам пришел в гости чабан, принес нам мясо. И пока мы поили гостя чаем в вагончике, его собака съела все это мясо, оставленное на улице. Но это было меньшее горе и вообще не горе даже по сравнению с другими последствиями нашего гостеприимства.

Экономя изо всех сил в первое поле воду, мы не очень тщательно вымыли чайные чашки и в результате заразились гепатитом. Сначала заболела Таня, и захватившие по пути к нам «чумники» увезли ее в больницу. Когда узнали что с Таней, приехали за мной, увезли к себе на стоянку и на своем самолете (он у них летал каждый день: забирал животных из ловушек для обследования на чуму) отправили в город.

Наше лечение с Татьяной достойно отдельного рассказа. Едва мы выписались, приехал уже с нашей машиной Володя, но его мы не стали сдавать в стационар, доставали гемодез и глюкозу, я сама ему ставила дома капельницы. А диету и уход и вовсе мы сами могли организовать как надо.

Женя Затока и Вова Чернов проводят вскрытие дохлого барсука. Ущелье Мергенашан, февраль 1983. Фото из архива Черновых

Чернов Вова, в научном отделе специалист по копытным. Но в душе орнитолог. Ущелье Мергенашан, 1983. Фото из архива Черновых

Андрей Затока, герпетолог в научном отделе и по жизни. Мергенашан, 1983.

Наше лечение с Татьяной достойно отдельного рассказа. Едва мы выписались, приехал уже с нашей машиной Володя, но его мы не стали сдавать в стационар, доставали гемодез и глюкозу, я сама ему ставила дома капельницы.

А диету и уход и вовсе мы сами могли организовать как надо. Посчитав себя здоровыми довольно быстро, мы вернулись в пустыню.

А там уже все расцвело! Еще в больничном дворе мы любовались на цветущие абрикосы, яблони и, кажется, вишню. А в пустыне цвел илак (осока вздутая), нежненькие согдийские тюльпанчики, лужайками микроскопический рогоглавник, необыкновенной красоты роголепестник, удивительное растение паразит – Цистанхе, набирал силу крупный злак селин, цвели кандымы, разные солянки. (это я что на ходу вспомнила сейчас)).

А саксаул-то! Он стоял совсем зеленый! Мы с Таней с радостью окунулись в работу. Теперь нам было чем заняться.

Осенью мы повезли свой гербарий в Институт пустынь в Ашхабад на определение. И это тоже отдельная история)). А ещё в это время произошло наше знакомство с рыбаками местного рыбпромхоза, ловившими рыбу в озере Сарыкамьш. Они угощали нас рыбой, возили на острова с колониями бакланов и пеликанов.

Женя, Лена и Таня рады весне и работе. Ущелье Мергенашан, 1983 год. Фото из архива Черновых

1983 год, на озере Сарыкамыш. Примерка рыбацкой робы. Фото из архива Черновых

Подарок рыбаков. Мергенашан, 1983. Фото из архива Черновых

Знакомство с озером было для нас с Володиёй лично судьбоносным: все остальные годы наш стационар располагался на берегу Сарыкамыша и Володя занимался, кроме копытных, колониальными водоплавающими птицами, а я флорой Сарыкамышской впадины."

После 1983 года у нас было уже три полевых "бригады". И в каждом коллективе были свои приключения и открытия. Надеюсь, что Лена Чернова продолжит писать про свою точку на Сарыкамыше. Наш же стационар так и остался на глинистых плато Южного Устюрта в урочище Бурчлибурун. А Затоки больше любили пески в силу своей специализации. Временами мы встречались, навещали друг друга на пару недель, чтобы дополнить описание стационаров. Но самым приятным было окончание сезона, когда в июне весь научный отдел собирался на озере Сарыкамыш.

Продолжение непременно последует в очередное воскресенье. Надеюсь, дорогие читатели, вы по достоинству оцените труд Лены Черновой. Приятного чтения!

С уважением, Елена Шубенкина

Туркменские байки. Ашхабад и приключения в Фирюзе

11.12.2022

И вновь воспоминания от Лены Черновой, за что я ей очень благодарна.

Заметки Лены Черновой про ноябрь 1982

"Уже в начале ноября мы с Татьяной повезли наш гербарий в Институт пустынь при АН Туркменской ССР. Володя тоже поехал в Ашхабад по своим делам. Ему неожиданно повезло. В это время Сьунт-Хасардакский заповедник заказал вертолет для учета джейранов и поиска гепардов. Володя напросился к ним и целую неделю летал с ними и сотрудниками ВНИИ Природы. Жили мы в Берзенги у научных сотрудников. Копетдагского заповедника. Каждый

день ездили в Ашхабад в институт. Работать там было чрезвычайно интересно. Мы могли смотреть гербарные образцы, собранные за десятилетия разными учеными, общаться с сотрудниками гербария, помогавшим нам при любых затруднениях.

Это было таким настоящим прикосновением к настоящей науке. Огромные стеллажи с гербарными листами, растения пришиты пожелтевшими нитками... Наш район практически не был представлен, и мы просматривали лист за листом, высматривая знакомые растения. Особенно нас интересовали злаки, которые нам, неопытным, определять было чрезвычайно трудно. Да и региональными определителями мы тогда не располагали. Кажется, был Маевский)). Наш флористический список рос не по дням, а по часам в буквальном смысле.))

В какой-то день мы освободились пораньше и пройдя по магазинам, оказались около автовокзала. И вдруг Таня предлагает: «Давай съездим в Фирюзу!». А Фирюза - это жемчужина Туркмении, климатический курорт, древнее поселение на самой границе с Ираном в ущелье Копетдагских гор. От Ашхабада всего около 30 км на юго-запад. В наше время там располагались санатории, пионерские лагеря, турбазы и конечно резиденция первого секретаря ЦК Компартии Туркмении Гапурова. Ходили такие курьезные сведения, будто приезжал Хрущев и местные, желая его ублажить, повезли в Фирюзу отдохнуть. Он был в восторге и ... снял районный коэффициент за пустынность. (Но все это я узнала гораздо позже.) Купили билеты не долго думая. В автобусе нам достались самые последние места. Конечно, мы не могли оторвать глаз от окна. И, когда на очередной остановке зашли пограничники, мы тоже уставились в окно, что бы нас не проверяли. И пограничники, наверное солдаты-срочники, как то неуверенно поглядев в нашу сторону, ничего с нас не спросили.

Дорога в Фирюзу. Фото из сети

Приехали, вышли из автобуса, - и не знаем куда идти. Кругом сады, заборы, домики летние, все закрыто: не сезон ведь. Справа начинались горы. Мы поднялись достаточно высоко, что видно было границу с Ираном. Было удивительно, что горы были голые, щебнисто-каменистые, лишённые всякой растительности, отчасти, в силу времени года. Мы, сознательные советские девушки решили не углубляться, не приближаться к границе, спустились и поняли, что неплохо бы узнать, как нам ехать в обратную сторону. Дело было к вечеру, день не был солнечным, да к тому же ущелье с таким высокими стенами тоже сокращало светлое время суток. Но спросить некого – видимо все, у кого был дом, сидели

дома, и только мы искали тут приключений. Идти искать кого-то не рискнули и пошли по ущелью обратно пешком.

Ущелье Фирюзы. Фото из сети

Ущелье было очень живописное, по дну вдоль дороги бежала речушка. Мы рассматривали все растения, что встречали, один раз даже нашли цветущее маленькое растеньице из сложноцветных. Все вызывало такой интерес! Но сумерки уверенно наступали.

Мимо нас проехали велосипедисты-спортсмены, потом видели тренирующихся скалолазов. Но почему-то было боязно контактировать с кем-либо. От велосипедистов мы даже спрятались. Учитывая определенный интерес к нам местного мужского населения, мы подумали, что приключений и так достаточно. И когда мы уже в полной темноте шли по дороге, нас нагнал рейсовый автобус. Он сам остановился, мы даже не голосовали. Мы с радостью вскочили в открытые нам двери и поехали в Ашхабад. Успели и на предпоследний автобус в Берзенги. В автобусе пограничники у нас все таки проверили паспорта и командировочные.

Кажется, что совершенно пустячное событие, но если учесть все детали, то есть чему удивиться. Одно то, что поездка была совершенно спонтанной, толком не зная куда, в приграничный район, на ночь глядя, в таком составе... Не узнав, есть ли обратный рейс.. Может еще поэтому и запомнилась)). Сейчас я бы сто раз подумала, прежде, чем согласиться на такую поездку."

Дополнение от Тани Ивановой

"Не помню, каким транспортом мы выбирались из Ашхабада в район Фирюзы, но горы над ущельем помню отчетливо: безлесные довольно покатые вершины желто-оранжевого цвета. Удивило отсутствие растительности на достаточно небольших высотах. Мы привыкли к ее обилию на склонах и вершинах Уральских гор. Но палящее солнце, ветра и отсутствие влаги обнажили породы. Тем более, что мы были уже в ноябре, и ожидать массового цветения было смешно.

Со склонов горы в обратную дорогу шли вдоль ущелья, по дну которого текла речка, прикрытая от солнца незнакомыми нам деревьями и кустарниками. Полное погружение в

неизвестность всегда вызывает ощущение перехода в режим "фильма". Кадры бегут, а в твоей голове нет привязок к обыденному.

Речушка в Фирюзе. Фото из сети

Уже совсем поздно мы вернулись в квартиру сотрудницы заповедника, у которой заночевали. Ночь тоже была необычная - нас кусали невидимые сущности. В "поле", в вагончике, мы спали под марлевыми балдахинами, защищаясь от мелких жучков типа короедов, но их было видно. А здесь - никого нет, но укусы есть. Утром печальная хозяйка объяснила, что кусают блохи, массово живущие в подвале дома. И что ей надо ехать домой (она тоже приезжая) и лечить чесотку, т.к. здесь это сделать невозможно... Вид ноги с подкожными ходами "гадов" ускорил наш отъезд и расставание стало менее печальным (человек-то очень интересный, можно было многое узнать)."

Хозяйку квартиры в Берзенгах, где жили девочки, звали Таня Казакова. Она приехала работать в Копетдагский заповедник из Ленинграда.

Туркменские байки. От самолёта до лодки.

1 января 2023.

И снова рассказ Черновой Лены. Немного мимо временной шкалы, но зато интересный. В коллективе заповедника первые дети родились в 1983: наша Аня в октябре и Юра в декабре. Родители Черновы решили, что в полтора года можно уже взять ребёнка на полевые работы. И уехали с ним на стационар на Сарыкамьшское озеро. Туда, где в 1983 году началась их работа в пустыне. Но место было уже иное, подальше от накатанных дорог и поближе к воде. В распоряжении семьи была лодка с мотором, единственное средство передвижения. А жили в палатке с печкой. Навещал ребят старый добрый кукурузник. Вот что пишет Лена:

Первая палатка Черновых

"Почти все полевые сезоны нашего семейного стационара проходили на берегу озера Сарыкамыш, расположенного на севере Туркмении. Это была собственно Сарыкамышская впадина, заполненная промывными водами с полей. В то время уровень воды постоянно повышался. На озере было много островов. Бакланы, кудрявые и розовые пеликаны, чайки, крачки, цапли, утки и другие птицы на них образовывали большие колонии. Изучением водоплавающих птиц занимался Володя. Правда, будучи единственным зоологом на нашем стационаре, он отвечал за всю фауну нашего участка, а я за флору. Несколько раз за сезон к нам прилетал самолет, чтобы облететь территорию, провести авиаучеты птиц и животных. Сотрудники заповедника с летчиками посылали нам почту, кое-какие продукты.

Колонии пеликанов и бакланов на озере Сарыкамыш

Был 1985 год. Мы работали тогда вдвоем с Володей. С нами был полуторагодовалый сын Юрочка. Ждали очередной самолёт. Приехали на лодке поближе к посадочной полосе. Всегда был момент, когда ничего не видно и не слышно, и уже и не веришь, что прилетит.

Но вдруг ухо ловит звук, и уже напрягая всю зрение, видишь точку в небе. С радостным облегчением слышишь, как быстро нарастает звук, а точка превращается в самолётик. Мы подорвались, будто нас там могут не дожидаться. Хотя, если лётчики нас бы не увидели, то могли и не сесть. Володя должен был делать облет заповедной территории, а я спешила получить почту и кое-какие свежие продукты.

Лена Чернова с сыном в 1985 году.

Когда мне пришлось вспомнить дорогу от берега до полосы, она представлялась мне прямо перпендикулярной кромке воды и не длинной совсем, это точно соответствовало действительности. Все прошло благополучно: Володя улетел, а мы с Юрочкой пошли к лодке. Был уже май, время приближалось к полудню, становилось жарко. Нам привезли кефир бутылки 3-4, зелень с базара, ну и почту (письма, газеты). Я решила, что все сразу и унесу.

Не утерпела, достала долгожданное письмо, начала читать, но сын устал от ожиданий и беготни к самолёту, захотел кушать, спать и может чего ещё. Я вникать не стала, взяла его на руки и пошла скорей к лодке.

Он раскапризничался, стал вырываться и махнув рукой, попал по очкам. Оправа уже была треснута, и стекло с легкостью вылетело. Я остановилась, поставила ребенка и авоську с кефиром на дорогу, подобрала стекло. Но оно уже никак не хотело держаться в оправе. Я

задумалась. Что то было странно...Где берег то? Я уже должна была прийти!

Дождался самолётника

Решив, что «Боливар двоих не выдержит», я оставила сетку с кефиром посреди дороги, в надежде, что Володя пойдёт, найдет ее и принесёт. Сняла очки, взяла Юру поудобнее и пошла вперёд по дороге. Юрочка почти сразу уснул у меня на руках, дорогу я видела, решила, что скоро дойду. Но решимость пропала как-то быстро, я поняла, что умудрилась заблудиться! Видимо когда читала письмо на ходу, куда-то свернула (как потом выяснилось, я пошла вдоль посадочной полосы, которая тоже была по сути дорогой через такыр). А ведь мне помнилось, что дорога была одна, без ответвлений! Вокруг пустыня, низкорослый реденький саксаульник. Бегать с ребенком на руках искать дорогу было тяжеловато. Я выбрала куст погуще, в его тень положила Юру, сверху из платка с головы сделала ему тень на лицо и пошла искать дорогу. Очки придерживала рукой, иначе они падали. Смотреть одним глазом было трудно. Отходя от куста с Юрой, я стала вешать бирки (белые картонные квадратики 5x5, которые использовала на площадках) на саксаул, чтобы не потерять ребенка. Раз, два, три...Оглядываюсь, а бирки то мне не видно!!!! Я в панике бросилась обратно, пока недалеко, пока помнила направление! А вот и платок на кусте, Юрочка спит...

И тут слышу рокот мотора. Мотоцикл где то едет! Когда мы подплывали к берегу, Володя говорил, что где-то кош рядом. Пастух! Я кинулась наперерез мотоциклисту. Бедный парень остановился в шоке. Я начинаю ему говорить и понимаю, что он ничего не понимает. Выскочила из -за куста какая-то белая женщина, чего-то просит. А я свое: «Отвезите меня к полосе, где самолёт садился. Меня муж там ждёт.» То, что он уже должен был прилететь, я предполагала, но ни звука, ни самого самолёта я не видела (иначе бы сориентировалась на него). Как потом тоже выяснилось я ушла км на два от самолета. Парень, видно, слово "самолёт" знал и видел его сегодня, кивнул головой. А я опять: «Подожди, у меня ещё ребёнок с собой.» Парень смотрел на меня не иначе как на Богородицу, сошедшую с небес, когда я предстала перед ним с ребёнком на руках.

Я уместилась сзади на его "Яве", и мы поехали. (Кстати сказать, многие чабаны рассекали по пустыне на таких крутых мотоциклах. Отцы им покупали, что бы сЫнки в город не сбежали. Говорили, что им даже паспорта не делали, что б те вечно баранов пасли). Едем, и меня начинают одолевать другие мысли: что то долго едем и куда вообще едем? Завезёт куда-нибудь, никто не найдёт нас... Кричу ему, мол, стой, хватит, спасибо! Он останавливается, и о, чудо! Навстречу нам идёт наш папочка, полный недоумения - чего это жена тут без него вытворяет, с молодыми мальчиками катается, вместо того, что бы покоить сон ребенка в лодочке. На час - полтора (на самом деле около 3 часов) оставить нельзя! Он дошел до лодки, и не найдя там нас вернулся к месту посадки. Там и увидел наши следы. Пошел по ним, нашел кефир, а потом и нас. Еще раз поблагодарила парня, устыдившись своих опасений, и мы пошли к лодке, которая была совсем рядом..."

Резюме: пустыня не прощает промахов. В пустыне надо быть собранным и аккуратным. Надеюсь, что вы, мои читатели, оцените рассказ Лены. А я уже ей благодарна за поддержку в сборе воспоминаний о нашем Капланкырском заповеднике. Надеюсь, что откликнутся и другие научные сотрудники.

Володя Чернов с сыном в пустыне

С уважением, Елена Шубенкина

Туркменские байки. Спасательная операция

05.01.2023

В Капланкырский заповедник часто приезжали поработать научные сотрудники, просто натуралисты, а чаще всего - студенты, это им засчитывалось за практику. Очередные вспоминая об одном событии, но от лица двух человек. От Лены Черновой и от студентки 1987 года Тани Дрёминой.

Стационар Черновых находился на берегу Сарыкамышского озера, на территории подведомственного заповеднику заказника. На озере обитали редкие птицы, за которыми орнитолог Володя Чернов вёл наблюдение. А Лена, ботаник, следила за динамикой кормовой базы для нашего небольшого стада куланов, которых привезли в заказник из Бадхызского заповедника. Это было ещё одно важное мероприятие: реинтродукция редкого вида. Но об этом будет отдельная публикация. Итак, события июля 1987 года...

Рассказ Лены Черновой, "спасателя":

"В тот сезон летом с нами на берегу стояли ещё сотрудники; Антипов Сергей с женой. К ним приехала племянница лет 15-ти и студентка биофака Татьяна Дрёмина.

В один прекрасный день Володя собрался на дальние острова проверить колонии пеликанов. С ним собралась большая компания: Галя Антипова, ее племянница, Таня и Юра наш. Лодок было две, но управлял ими только Володя, Сергей не брался, он посуху на мотоцикле только ездил. Володя взял «Прогресс», и они уехали. Я осталась с годовалым Павликом, Сергей ушел на маршрут. Мы тоже сходили на ближние площадки, и Сергей вернулся, и время уже к вечеру, а нашей «Прогрессивной» команды нет.

Я уже к тому времени - калач тертый- сижу ровно, а Сергей разволновался, спрашивает куда поехали, сколько плыть туда, что за места, как лодка у них. А потом говорит, может поедет к ним? Конечно, если бы они к ночи не вернулись, и я бы запереживала, но ехать с годовалым ребенком с неопытным водителем, не знающим озера, на ночь глядя?

Стационар на озере Сарыкамыш. Палатку почти не видно из-за густой растительности. Фото автора

... Но и отказать я не могла. Закутала Павлика в одеяло, села в Южанку, старую протекающую лодку, указала примерное направление и «алга!». Начинало штормить, что видимо дополнительно заставляло волноваться Сергея. Просто удивительно, что лодка завелась без проблем, хотя моторы у нас были те ещё...

Лодка на Сарыкамыше, основной транспорт. Фото автора

Надо сказать, что я озеро знала плохо, я не считала нужным даже запоминать, места помнила конечно, но сориентироваться самой... Наверно Сережа карту смотрел перед тем, как меня просить. Озеро, на минуточку, 90 на 70 км и островов немало. Я очень удивилась, что мы с ними встретились вообще.

Наша встреча состоялась км в 15 от нашего стационара и, которая оказалась роковой на этот вечер и следующее утро.. Компания на «Прогрессе» удивилась, увидев нас. Они просто пережидали шторм на острове. И когда мы подплывали уже хотели плыть домой.

Мы посмеялись, обменялись впечатлениями, Галя пересела в нашу лодку и мы стали заводить моторы. Почему то (свечи заливало) без гаечного ключа они заводиться не хотели. Володя кинул ключ Серёже. он завел свой мотор и дал ключ Гале, сидящей ближе к

Володиной лодке , что бы она кинула его обратно. Бросок был почти удачным, ключ ударился об нос лодки , отскочил и упал в воду как хороший прыгун-без брызг. Все оторопели. Сережа от неожиданности заглушил мотор. Достать ключ было нереально, глубина была не очень большая, но дно очень топкое. Советование было коротким, рядом был рыбацкий кош. Рыбаков там мы не надеялись застать, но хоть разжиться инструментом и какой-нибудь едой надежду имели.

Не могу вспомнить, что же мы ели в конце концов: лапшу вроде бы какую то нашли и какао. Ну не знаю! Чем то же я кормила годовалого ребенка! Да и Юра ещё совсем малыш был. А вот не помню! Ночевали где то в вагончике на грязных матрасах. Утром Володя с Серёжей ремонтировали лодочный мотор. Видимо он завелся как то неожиданно для них, так лодка была на якорь, и когда она рванулась с места, веревка, держащая якорь, лопнула. Плыть без якоря нельзя и наши мужчины задумались. Позаимствовать валяющийся на берегу хотя бы на время рыбацкий якорь им не позволяло воспитание.) Пришлось настоятельно это порекомендовать и убедить, что они потом вернут этот якорь в целости и сохранности. Только после этого мы смогли покинуть рыбацкую стоянку и отплыть к родному берегу. Якорь потом вернули, мне кажется. Или рыбаки сказали, что у них их навалом.

Сарыкамыш: гнёзда в совместной колонии бакланов и пеликанов.

Пеликаны на озере Сарыкамыш и их гнёзда. Фото автора

А вот воспоминания Тани Дрёминой об этом же событии с лодки, которую "спасали": "Смотреть на колонии пеликанов на Сарыкамыше мы собрались пасмурным утром. Помню, как мы садились в лодку с Володей Черновым, племянницей Гали и трехлетним Юрой. Лена дала сыну пару пряников в дорогу, и мы отправились. Поездка планировалась на пару часов-съездить до пеликаньего острова, посчитать гнезда и вернуться. Мы доехали, меня поразило множество дохлых птенцов бакланов, видели ли мы пеликанов – не помню, помню только высокие цилиндры гнезд, в которых почти не было птенцов, так как уже был июль.

Гнездо баклана на Сарыкамыше. Фото автора

Так кольцевали птенцов пеликана на Сарыкамыше. Фото автора

Мы двинулись обратно, дул свежий ветерок, солнца так и не было. Довольно скоро ветер усилился и волны стали расти, и доросли до 2-3 метров в высоту. Наша лодка маневрировала между больших волн, и я стала думать, кого и как спасать, если мы перевернемся. Явно мне доставалась племянница Гали, а я не знала, умеет ли она плавать. Потом мотор стало заливать волнами и заводить его было бесполезно. Мы отдались на волю волн и вскоре нас вынесло к острову. Мы причалили, высадились на берег, зашли с подветренной стороны, на берегу валялся матрац из рыбацкого домика, мы сели на него под кусты саксаула и ждали,

когда закончится ветер, чтобы возвращаться назад. Было прохладно и даже брызгал дождик. Детей Володя отвлекал какими-то рассказами.

Чернов Володя с сыновьями, июль 1987. Фото из архива Черновых

И вот ветер кажется почти стих, волны разгладились, мы начали думать о возвращении и тут... На горизонте появилась лодка Южанка, которая двигалась всегда с задранным носом и жутко подпрыгивала на волнах. На носу лодки мы увидели мадонну с младенцем – это были Лена, и годовалый Паша. Паша стоял, Лена держала его под ручки. На корме сидел Сергей Антипов и рулил. Не помню, что проворчал Володя, увидев жену и второго своего ребенка. Итак, мы встретились, и собрались двигаться в лагерь, но как-то так случилось, что мотор у Южанки не хотел заводиться, а потом Володя не смог завести и мотор у второй лодки «Прогресс».

До лагеря было далеко и уже темнело. Нужно было где-то переночевать, и было решено в одной лодке на веслах идти до другого острова, где была большая рыбацкая стоянка. Вторую лодку оставили на острове. Помню, что Паша и Юра уснули на дне лодки, а племянница Гали прикорнула на скамейке около меня. Мужчины гребли, светила луна и вода блестела. Мы шли вдоль каких-то камышей и о чем-то говорили. До места ночевки добрались уже ночью, и сразу легли спать на нарах в рыбацком вагончике.

Утром светило солнце, становилось все жарче. Из еды мы нашли зеленый чай и кусковой сахар, попили чая с сахаром и мужчины стали готовиться к поездке, ремонтировать мотор, а я пошла бродить вокруг. Нашла развешанные спутанные сети и стойки с болтающейся сухой рыбой. Она была разделана и высохла на солнце, и была совершенно желтой. Я была голодная, но пробовать такую рыбу не рискнула.

И вот, мужчины завели лодку, она рванула и что-то опять потерялось на дне... Говорят, что якорь. Какое-то время Володя с Сергеем ныряли, пытаясь найти пропажу на дне, но безрезультатно. Потом они посоветовались, что-то сделали, и мы наконец отправились в лагерь. Прибыли мы обратно примерно в 3 часа дня на следующий день"

Мы же большую часть времени проводили в пустыне, но иногда навевывались и на Сарыкамыш. И озеро всегда встречало нас ласково. Даже представить не могла, что там могут случаться шторма, препятствующие передвижению лодки. Но вот случилось...

Надеюсь, вам понравились рассказы Лены и Тани. Предыдущие публикации о работе в Туркменском заповеднике и жизни в этой среднеазиатской республике СССР читайте в подборках:

Утро на острове около рыбацкого вагончика. Фото из архива Черновых

Туркменские байки. Наш заповедник глазами гостей

10.02.2023.

В наш Капланкырский заповедник, что находился на севере Туркмении, приезжало немало гостей. Кто-то посмотреть, кто-то поработать, узнать новые условия обитания своих объектов, пополнить коллекции (насекомых, растений). С учеными мы общались и приобретали новые знания, с натуралистами-любителями весело проводили время. А ещё к нам приезжали студенты. Андрей Затока, наш герпетолог, приглашал из Дружин по охране природы много ребят, целые компании бывало приезжали. И вот рассказ одной студентки нашего Уральского государственного университета имени Горького (УрГУ) из Свердловска (ныне Екатеринбург) Тани Дрёминой. за что ей большое спасибо за воспоминания.

"Это был 1987 год, я начала думать о том, где работать после окончания университета.

Весной на доске объявлений у деканата увидела, что в Капланкырский заповедник Андрей Затока зовет студентов на практику. Я написала письмо и получила ответ. Договорились, что я приеду в июле вместе с Галей Антиповой и меня прикрепят к орнитологам.

Галя училась в университете заочно и после сдачи сессии должна была вернуться в Ташауз, а

оттуда мы должны были добраться с до Сарыкамыша. «Я буду в платье в горошек и со светлыми волосами», - так Галя определила свою внешность для встречи в аэропорту. Галя ворчала, что вот всегда так- Андрей кого-то зовет, но возиться приходится другим людям. И вот мы встретились, Галя была с племянницей примерно 12 лет, мы летели в Ташауз через Ташкент. Запомнилось, что было жарко, а местные женщины были в длинных платьях, на ногах у них были хлопчатобумажные коричневые чулки, которые на Урале принято носить зимой.

Студенты Саратовского биофака на практике. Отмечаем 1 мая

Бытовая картинка из Ташауза.

Потом Галя передала меня под крыло Жене Затоке, до отъезда на озеро была еще пара дней, надо было подготовиться. Женя рассказывала о местных особенностях жизни и сопровождала меня. Помню, что, утром Женя собрала своих детей Катю и Ваню в детский сад, Андрей посадил их на велосипед, и уехал, а мы пошли в управление заповедника, там

меня оформили как какого-то сотрудника и дали денег. Это было удивительно. Пока мы шли к конторе вдоль дороги, проезжающие водители грузовиков высовывались буквально по пояс, глядя на нас с Женей. Это было странно. Женя рассказывала, что правильно, когда между детьми маленький промежуток и что она очень просила Андрея родить второго ребенка, потому что очень хочется покормить. Потом мы ходили на рынок, закупили ведро абрикосов по просьбе Лены Черновой, наверное, каких-то овощей- это я не особо помню, но помню, что все цены были 30-50 копеек и 1 рубль за три килограмма, например, помидоров. Это было фантастическое изобилие!

А у Заток я помню, были книжные полки со стеклянными дверцами, в которых жили змеи, Андрей мне показывал кобру и полозов, которые лежали в мешочках в холодильнике, чтобы спокойно пережить отъезд хозяина в отпуск.

На следующий день мы отправлялись на Сарыкамыш с Галей, ее племянницей на самолете АН2. Для местных это было обыденно, а для меня не очень. Мы сели, полетели, и вот под нами пустыня. Было страшновато, когда самолет садился просто на грунт в пустыне. Мы выгрузились, встретились с Черновыми и Сережей Антиповым. Я сфотографировала несколько раз, и мой фотоаппарат заклинило. Наверное, попал песок.

Дальше я осталась с Леной и Галей, хотя можно было еще слетать на учет пеликанов и куланов вместе с Володей и Сергеем. Но вот они вернулись, и мы поехали в лагерь, скорее всего на лодке.

Нас с Галиной племянницей поселили в отдельной палатке между двух палаток взрослых товарищей, меня прикрепили к кухне Володи и Лены. Запомнились макароны с утиными яйцами, и как их ел годовалый Паша, а потом его опускали в озеро, и он становился снова чистым."

Так отмывали Пашу

Спасибо за внимание к моим мемуарам и спасибо помощникам, которые находят время вспомнить то далёкое время.

С уважением, Елена

Туркменские байки. Куланы, профессор Банников и Кушка

17.02.2023

Впереди несколько статей про кулана, написанных Черновым Володей, который в душе орнитолог, в заповеднике был специалистом по копытным. Он был в эпицентре важного мероприятия по сохранению кулана в Туркмении и увеличения численности этого редкого животного.

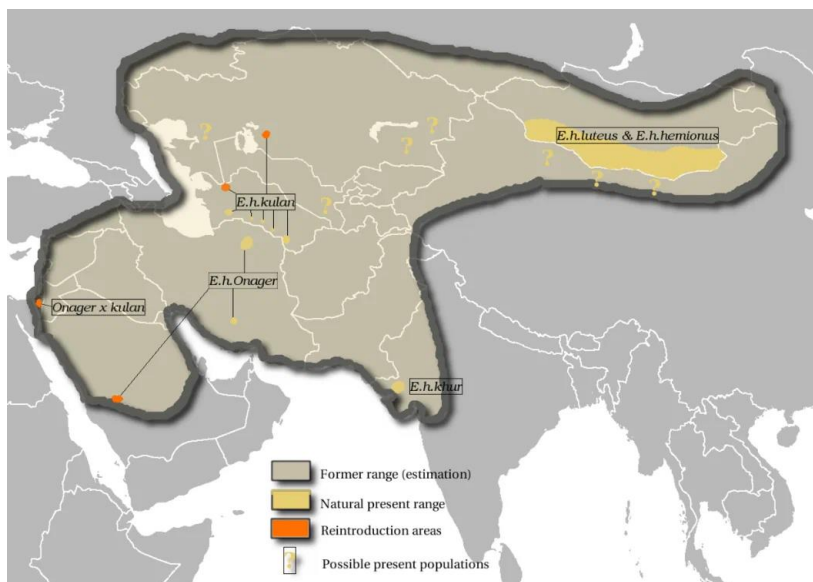
Кулан в вольере заповедника. Из нашего семейного архива

Кулан (*Equus hemionus*)— единственный представитель непарнокопытных, сохранившийся в диком виде в северной Евразии, единственный выживший родственник миллионов тарпанов, диких ослов, и лошадей, которые когда-то населяли обширные открытые пространства этого континента. Меньше и плотнее, чем домашние лошади, куланы— самые быстрые представители рода лошадей, способные развивать скорость до 70 км/час в течение короткого времени и довольно долго двигаться со скоростью 50 км/час. На плоских пустынных равнинах Средней Азии куланы чувствуют себя прекрасно, питаются травами и суккулентами. Тем не менее куланы очень чувствительны к наличию подходящих зимних пастбищ и летних водопоев, что иногда заставляет их совершать миграции на большие расстояния. Сохранение этого животного стало важнейшей задачей природоохранных организаций Средней Азии

Куланы в Бадхызском заповеднике. Фото из сети

Чтобы было понятнее, насколько ограничена территория обитания кулана, посмотрите на карту его распространения на Земле. А красная точка, которая ближе к Каспийскому морю, это популяция куланов, которая образовалась благодаря работе сотрудников Капланкырского заповедника.

Карта предполагаемого ареала кулана и существующих группировок в настоящее время (желтый и красный цвет). Из Википедии

Итак, повествование Чернова Володи:

"Капланкырский заповедник, собственно, и создавался как полигон для реакклиматизации кулана. Во всяком случае это была одна из основных задач заповедника. В то время куланы сохранились только в Бадхызе, несколько десятков были завезены в заказник под Ашхабадом, и небольшая популяция была на острове - заповеднике Барсакельмес в Аральском море. Из-за высыхания моря их оттуда начали перевозить на Капчагайское водохранилище под Алматы.

Этих мер было недостаточно для сохранения вида. Поэтому наш Капланкырский заповедник рассматривался как наиболее вероятное место для создания устойчивой популяции кулана, несмотря на суровые условия. Одним из главных вдохновителей программы восстановления кулана был известный советский учёный, специалист по копытным, профессор Андрей Григорьевич Банников. Летом 1983 года он с делегацией посетил заповедник и одобрил выбор. Собственно, в 1983 году и началась работа по реакклиматизации кулана в Капланкырском заповеднике.

Поскольку в нашем небольшом научном коллективе именно меня назначили ответственным за изучение копытных животных (которыми заповедник был не особенно богат), мне пришлось принимать непосредственное участие в этой программе. Мы только что вернулись с первого поля, где провели почти 4 месяца. Но пришлось срочно собираться в дорогу и ехать в Кушку: в августе там начинался отлов куланов. Приехал я за пару дней до того, как собралась вся бригада. Поэтому успел осмотреть окрестности и познакомиться с сотрудниками Бадхызского заповедника. Кушка в то время была маленьким тихим городком

на самой южной границе Советского Союза. Только периодически пролетающие над ней военные вертолёты напоминали о том, что всего в нескольких километрах идёт война.

Бригадиром ловцов был колоритный перс Мухаммед. Он и его брат уже были опытными ловцами. Также не первый год ловил куланов лесник из заповедника. Остальные, как и я, были на отлове первый раз. Как оказалось, почти все они были родственниками каких-нибудь начальников из Ашхабада. Такой интерес к животным объяснялся просто: за каждого отловленного кулана бригаде платили 800 рублей. С учётом количества, которое предстояло отловить, каждый мог получить по 2-3 тысячи рублей за несколько недель. Сумма по тем временам фантастическая.

Первый день готовили снаряжение: разбирали сети (крупноячеистые) из верёвки 8 мм 2 метра высотой и метров 6 длиной. Готовили стойки для них - палки 3 м длиной. Подремонтировали вольер для временного содержания куланов. В распоряжении бригады были две машины: ГАЗ 66 и ГАЗ 53 без лобового стекла. Технология отлова была простой: в это время года стада куланов каждую ночь приходили на водопой на реку, мы перегораживали пойму сетями в несколько рядов и загоняли в них куланов. Они запутывались в сетях, оставалось их связать, загрузить в машину и увезти на усадьбу заповедника в вольер. На деле всё оказалось не так просто, а порой и небезопасно."

Продолжение следует.

И даже завтра.

Туркменские байки. Куланы теперь и на Сарыкамьше

19.02.2023

"К моему возвращению в Ташауз наше начальство видимо уже получило накрутку сверху, поэтому началось какое-то движение, и через несколько дней большая бригада из лесников и научных сотрудников выехала на Сарыкамьш строить вольер. Работу закончили за несколько дней и стали ждать прибытия переселенцев. Но, как оказалось, дела у оставшейся бригады шли неудачно. Благоприятный для отлова сезон заканчивался. В результате для нашего заповедника вместо запланированных 20 голов отловили только 11. Наконец-то нам сообщили точную дату завоза. Перевозили куланов вертолётom Ми-6. В его просторный фезюляж входило как раз 10-12 клеток (фанерных ящиков) с куланами. В назначенный день мы просидели у вольера, напряжённо вслушиваясь в тишину в надежде уловить звук приближающегося вертолётa. Однако, он появился только под вечер. Оказывается, когда вертолёт сел в Ташаузе, чтобы взять сопровождающих, его никто не встретил. До нашего директора не дошла информация о прилёте (был выходной день). Через телефон разыскали только начальника управления лесного хозяйства области, и он срочно примчался в аэропорт. К счастью пустыню он знал хорошо и смог вести лётчиков на место. Крупного скандала удалось миновать.

Началась жизнь куланов на новом месте, там где они когда-то обитали. Около месяца они прожили на полуострове без каких-то проблем. Научные сотрудники по очереди дежурили

вместе с лесниками. Куланы на полуострове чувствовали себя хорошо, места было достаточно, корма тоже.

Куланы прилетели на Сарыкамыш. Фото из нашего архива

Мы планировали продержать их в вольере до весны и выпустить. Но через два месяца случилось непредвиденное. Случился сильный шторм, и куланы повели себя неожиданно. Они проплыли вокруг ограждения и ушли в пустыню. Однако одна кобыла с жеребёнком почему то поплыли в другом направлении к острову, расположенному почти в 3-х километрах от берега. Видимо жеребёнок не смог справиться с течением и его понесло в “море”, а кобыла не смогла его бросить. На острове размером в несколько десятков метров мы нашли труп жеребёнка и следы кобылы. Жеребёнок доплыл до острова, а выбраться на сушу у него, видимо, не хватило сил. Куда делась кобыла непонятно, возможно она всё таки добралась до суши. Мы проехали по следам с десятков километров, пока они не потерялись. Потом мы наблюдали следы в разных частях Сарыкамышской впадины. Сколько куланов выжило установить не удалось.

На следующий год эксперимент с полуостровом нам повторить не разрешили и построили круговой вольер диаметром метров 50 с укрытиями в виде сараев из досок. Завезли запас кормов. Куланов завозили двумя рейсами. Со вторым рейсом мы с Сергеем Антиповым улетели в Кушку принимать вторую партию. Когда вертолёт стал взлетать, один кулан из привезённой первой партии кинулся на ограждение и смог прорваться через него и убежать. Пришлось в срочном порядке усиливать ограждение. Во второй партии одна кобыла погибла при перевозке.

Куланы на Сарыкамыше. Фото из нашего архива

Ящики с куланами готовы к погрузке. Фото из архива Чернова

Клетку с куланом грузят для отправки. Фото из архива Черновых

Передержка в вольере продолжалась несколько месяцев без проблем. Однако, когда наступили холода, а зима в этом году выдалась суровая, стало ясно, что куланы в ограниченном пространстве на берегу огромного озера чувствуют себя неважно. Мороз с ветром, не надёжное укрытие и непривычный корм привели к истощению куланов. В результате одна самка погибла. Вскрытие показало почти полное отсутствие жира. Было решено выпустить куланов досрочно, чтобы они сами нашли благоприятные места. Решение

было правильным т.к. большая часть куланов выжила, их следы встречались потом по впадине во многих местах.

Ящики с куланами при погрузке на автомобиль. Фото из архива Черновых

Последний завоз куланов пришёлся уже на начало экономического кризиса. Из-за финансовых трудностей не удалось нанять вертолёт и в конце концов куланов повезли машинами. Это была тяжёлая дорога, больше тысячи километров по жаре. Ни куланы, ни ловцы к этому не были готовы. Вольер пришлось построить поближе к шоссе у посёлка Казанлы. Животные прибыли в ужасном виде с кровавыми потёртостями на головах и крупах. Некоторых пришлось буквально вытряхивать из ящиков т.к. сами они ходить не могли. Двое (из 9) куланов погибли. Остальные за два месяца поправились и были выпущены до наступления холодов. Собственно на этом и закончилась программа реакклиматизации куланов. Она показала, что куланы вполне могут жить в современных условиях Устюрта и Сарыкамышской впадины, и даже размножаться. но говорить о создании устойчивой растущей популяции не приходится."

От себя хочу добавить, что следы куланов мы встречали потом на протяжении всего времени, пока ездили на наш стационар Бурчлибурн. Стадо куланов и одиночные особи держались у южного берега озера Сарыкамыш на глинистых равнинах. На разбитых дорогах в этой части пустыни мы и находили их следы. Попадались даже следы жеребят. В настоящее время, спустя 40 лет после первого выпуска куланов на севере Туркмении, Всемирный фонд дикой природы отмечает, что куланы в Сарыкамышской впадине обитают. Из-за того, что Туркмения стала совсем закрытой страной, у нас потеряны связи с заповедником, поэтому информацию от первых лиц (лесников, научных сотрудников) мы получить не можем. Но если солидная международная организация признаёт существование куланов около озера Сарыкамыш, то значит и мы оставили след на Земле.

Спасибо Черновым Володе и Лене за поддержку проекта, увлекательный рассказ и архивные фотографии.

С уважением, Елена

Туркменские байки. Самолетные истории

22.01. 2023.

Сегодня Капланкырский заповедник был самым большой в Туркмении, площадью 570 тысяч гектаров. Территория огромная, а расстояние до города, где была контора, около 300 км. На стационар в пустыню мы как правило забрасывались грузовыми автомашинами. Но вот авиаучеты в заповеднике, выезды по срочным делам в город, переезды на другие точки на короткое время, - для этого мы заказывали самолёт. Бюджет заповедника позволял планировать в год 7-10 вылетов. В Ташаузском аэропорту кукурузников было много. Ведь север Туркмении - сельскохозяйственный район. Тут выращивали и хлопок, и пшеницу, и рис. И всё это надо было опылять сверху химикатами. Кроме сельхозмашин имелись и специальные пассажирские АН-2. Не только со скамейками вдоль бортов, но и с несколькими рядами кресел в салоне.

Первое знакомство с лётчиками местной авиации и самим АН-2 произошло у нас в 1982 году. Первый стационар, первый год в пустыне, мы, ещё неопытные исследователи... Как-то утром слышим звук мотора в небесах. Летит самолёт, к нам летит. И садится на дорогу около старинного кладбища. Лётчики местной авиации были конечно асы, им и очень короткой полосы было достаточно, чтобы приземлиться. Но полоса эта должна быть твёрдой. А дорога-то была разбитой. Так что первое приземление на наш стационар было неудачным. Самолёт зарылся в пыли.

Пока начальство знакомило нас с прилетевшими учеными из Алма-Аты, выяснилось, без лопаты не вызволить самолёт для взлёта. Ребята побежали в лагерь за инструментом. Потом вместе с лётчиками по очереди откопали колёса и подыскали подходящее место для взлёта, уже не на дороге, а вдоль оврага. Оставалось только срыть бугры термитников и норы песчанок. Сергей ловко всё это сделал и уставший, воткнул лопату в землю.

Самолёт стал вырывать на новую полосу и крылом напоролся на черенок лопаты. И вы думаете, что АН-2 "железная птица"? Крыло порвалось, потому что было из ткани! Лётчики ругаясь вылезли из кабины и потом как-то заклеили дырку. Все мы выдохнули, когда самолёт улетел. А нам было дано задание найти и оборудовать подходящее место для взлётно-посадочной полосы.

Одна полоса уже была, но в 6 км от лагеря, это далеко. Володя нашёл ближе, примерно в 2 км. Там пришлось вырубить редкий кустарник, но зато почти не было нор, почва была твёрдая, покрытая плоским щебнем. Это место получило в обиходе название "аэропорт". И все последующие взлеты и посадки с 1983 по 1992 годы были там.

Авиучеты проводили 3-4 раза в год, чтобы посчитать джейранов, сайгаков, куланов, архаров, волков. С малой высоты можно было обнаружить также гнёзда хищных птиц на обрывах. АН-2 очень помогал в учётах численности животных.

Когда у нас появилось несколько стационаров, то мы раз или два за сезон планировали перелеты с места на место, ведь специалистов для всех точек не хватало.

Остановка в пустыне на одном из зимних авиаучетов

На стационаре герпетологов на Унгузе в песках Кара-Кум. 1989 год

Выгрузились в Сарыкамышской впадине. 1988 год

Фото на память во впадине Акча-Кая. 1990 год

Были также вылеты в Ташауз. В город стремились подкормить детишек свежими овощами и фруктами. В начале мая уже поспевала клубника, а уж свежих овощей было навалом. Надо было пополнить запас аптечных товаров, купить прессу, и в конце концов отмыть детей в ванной дома. А потом через 3-4 дня мы снова летели в пустыню. Часто с нами улетали и ученые из Ашхабада, Москвы, Уфы, Свердловска. Вот на этом фото, где "табор уходит в небо", известный орнитолог Эльдар Рустамов.

*Май
1989.
Грузим
ся в
аэропо
рту
Ташауз
а.
Телегу
держа
т
Володя
и
Руста*

мов (справа без фуражки))

Лично у меня случилось такое приключение с АН-2, после которого я без пакетиков в этот транспорт не садилась. В 1984 году я сидела в городе с шестимесячной дочкой. Но приехала в гости мама и согласилась побыть недельку, пока я слетаю в заповедник к мужу и своим растительным объектам. Туда я добралась замечательно, на самолёте и быстро. Привезла всем радостным почту, свежие продукты. А вот обратно самолёт по безалаберности директора заповедника не прилетел. И Вова повёз меня к противочумникам на мотоцикле. Их

лагерь был тогда в песках в 70 км от нас. На следующее утро я всё же погрузилась в Ан-2. Но он оказался после химобработки полей. Стойкий запах химии сопровождал нас всю дорогу. Всё содержимое желудка и желчного пузыря, всё оказалось вне меня. Домой я приехала вся зелёная. Но не заставила маму волноваться, так как срок возвращения оговаривали +- 2 дня. С тех пор меня укачивает в автотранспорте. Но на кукурузниках я к счастью больше не летаю.

Но кроме Ан-2 почти каждый год ребята летали на вертолёт. Это уж когда прилетало высокое начальство или такой замечательный гость как Николай Николаевич Дроздов. Но об этом - отдельный рассказ.

Спасибо, что читаете. Рада буду ответить на все вопросы.

С уважением, Елена

Туркменские байки. Наш заповедник глазами гостей

10.02.2023.

В наш Капланкырский заповедник, что находился на севере Туркмении, приезжало немало гостей. Кто-то посмотреть, кто-то поработать, узнать новые условия обитания своих объектов, пополнить коллекции (насекомых, растений). С учеными мы общались и приобретали новые знания, с натуралистами-любителями весело проводили время. А ещё к нам приезжали студенты. Андрей Затока, наш герпетолог, приглашал из Дружин по охране природы много ребят, целые компании бывало приезжали. И вот рассказ одной студентки нашего Уральского государственного университета имени Горького (УрГУ) из Свердловска (ныне Екатеринбург)

Тани Дрёминой. за что ей большое спасибо за воспоминания.

Студенты Саратовского биофака на практике. Отмечаем 1 мая

"Это был 1987 год, я начала думать о том, где работать после окончания университета. Весной на доске объявлений у деканата увидела, что в Капланкырский заповедник Андрей Затока зовет студентов на практику. Я написала письмо и получила ответ. Договорились, что я приеду в июле вместе с Галей Антиповой и меня прикрепят к орнитологам.

Галя училась в университете заочно и после сдачи сессии должна была вернуться в Ташауз, а оттуда мы должны были добраться с до Сарыкамыша. «Я буду в платье в горошек и со светлыми волосами», - так Галя определила свою внешность для встречи в аэропорту. Галя ворчала, что вот всегда так- Андрей кого-то зовет, но возиться приходится другим людям. И вот мы встретились, Галя была с племянницей примерно 12 лет, мы летели в Ташауз через Ташкент. Запомнилось, что было жарко, а местные женщины были в длинных платьях, на ногах у них были хлопчатобумажные коричневые чулки, которые на Урале принято носить зимой.

Бытовая картинка из Ташауза.

Потом Галя передала меня под крыло Жене Затоке, до отъезда на озеро была еще пара дней, надо было подготовиться. Женя рассказывала о местных особенностях жизни и сопровождала меня. Помню, что, утром Женя собрала своих детей Катю и Ваню в детский сад, Андрей посадил их на велосипед, и уехал, а мы пошли в управление заповедника, там меня оформили как какого-то сотрудника и дали денег. Это было удивительно. Пока мы шли к конторе вдоль дороги, проезжающие водители грузовиков высовывались буквально по пояс, глядя на нас с Женей. Это было странно. Женя рассказывала, что правильно, когда между детьми маленький промежуток и что она очень просила Андрея родить второго ребенка, потому что очень хочется покормить. Потом мы сходили на рынок, закупили ведро абрикосов по просьбе Лены Черновой, наверное, каких-то овощей- это я не особо помню, но

помню, что все цены были 30-50 копеек и 1 рубль за три килограмма, например, помидоров. Это было фантастическое изобилие!

А у Заток я помню, были книжные полки со стеклянными дверцами, в которых жили змеи, Андрей мне показывал кобру и полозов, которые лежали в мешочках в холодильнике, чтобы спокойно пережить отъезд хозяина в отпуск.

На следующий день мы отправлялись на Сарыкамыш с Галей, ее племянницей на самолете АН2. Для местных это было обыденно, а для меня не очень. Мы сели, полетели, и вот под нами пустыня. Было страшновато, когда самолет садился просто на грунт в пустыне. Мы выгрузились, встретились с Черновыми и Сережей Антиповым. Я сфотографировала несколько раз, и мой фотоаппарат заклинило. Наверное, попал песок.

Дальше я осталась с Леной и Галей, хотя можно было еще слетать на учет пеликанов и куланов вместе с Володей и Сергеем. Но вот они вернулись, и мы поехали в лагерь, скорее всего на лодке.

Нас с Галиной племянницей поселили в отдельной палатке между двух палаток взрослых товарищей, меня прикрепили к кухне Володи и Лены. Запомнились макароны с утиными яйцами, и как их ел годовалый Паша, а потом его опускали в озеро, и он становился снова чистым."

Так отмывали Пашу

Спасибо за внимание к моим мемуарам и спасибо помощникам, которые находят время вспомнить то далёкое время.

С уважением, Елена

Туркменские байки. Корабли пустыни и наши встречи с ними

12.02.2023

Есть одна версия, почему именно корабли. Потому что верблюды - иноходцы. То есть сначала шагают двумя левыми, а потом двумя правыми ногами. При этом наездника на горбах верблюда качает резко в разные стороны, подобно морской качке. Поэтому покатавшись на верблюде, можно почувствовать, какова она, морская болезнь.

В нашей Туркменской пустыне обитали одногорбые верблюды, дромадеры. К слову сказать, в Казахстане, где мы как-то проезжали по степям, бродили двугорбые, бактрианы. Но несмотря на то, что граница нашего заповедника упиралась в казахский Устюрт, двугорбые к нам не приходили в гости.

Длинноногие дромадеры были в каждом ауле. Животное это полезное и неприхотливое, даёт шерсть, мясо, молоко, а взамен ничего не требует кроме воды. Потому что верблюды на севере Туркмении были на самовыгуле. Каждый верблюд имел на шее метку: ошейник с цветными нитками, по которому верблюдовладельцы различали животных. Никому чужого

не надо было,
а своего
привечали.

Посёлок Казанлы и его верблюды. Север Туркмении. Фото автора

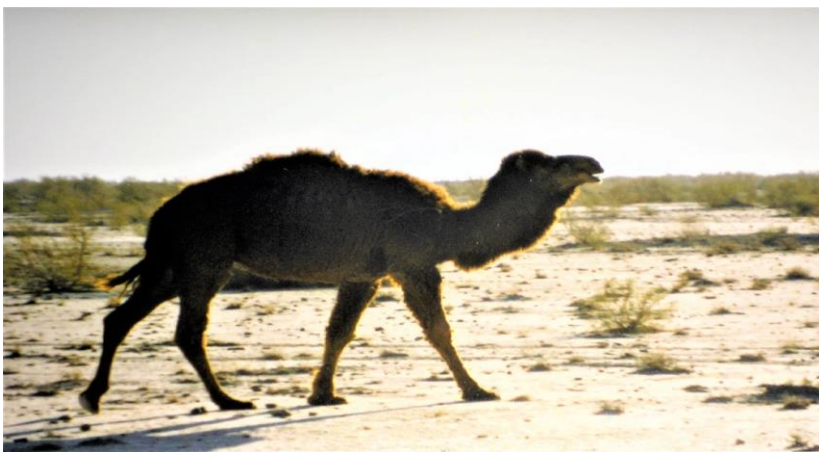
А когда приходила пора размножения, то держали около дома. Маленькие верблюжата подрастали в загоне: яме, огороженной стволами саксаула. А верблюдицы кормили молоком не только детёныша, но и семью хозяина.

Верблюдица и новорожденный верблюжонок (слева от её морды). Фото из архива Черновых

Наш стационар был глубоко в пустыне, до города 300 км. Но вот до ближайших аулов с содержанием верблюдов примерно 200 км. И корабли пустыни каждый год, да не по разу приходили к нам. Как правило это было стадо из 7-10 голов. Один самец и самки, иногда с молодыми. Шли конечно же на голоса, но к вагончикам подходить опасались: да, люди, но чужие.

Как-то к нам в гости приехали брат мужа с женой. Первый раз в пустыне, мало что видели. Сидим на закате на улице, чай пьём. И тут из-за холма показывается голова верблюда на длинной шее. Алёна даже дар речи потеряла, указывая на внезапно появившийся живой объект. И неудивительно: издали в сумерках верхнюю часть верблюда реально можно было принять за лохнесское чудовище, которые изображают на картинках. И лишь когда пара верблюдов полностью поднялись на холм, страх сменился безудержным весельем.

Дромадер на песках поселка Шахсенем. Фото автора

Но пугаться верблюдов действительно нужно в период гона: зима и ранняя весна. За свой гарем они и затоптать могут. Хорошо, что к нам они забредали уже после, в мае-июне. У нас у каждого были учётные площадки, где мы на протяжении сезона снимали показатели: продуктивность биомассы, плотность гнездования, численность грызунов... И вот однажды Володя проезжал мимо своей площадки на велосипеде, а там пасётся стадо верблюдов. Чтобы спасти чистоту эксперимента, пришлось прогонять незваных гостей, которые не только жевали ветки кустарников, но и топтали гнёзда жаворонков под ними.

Раздутое мягкое нёбо: дуллу. Фото из сети

После криков и размахивания руками верблюдицы и молодёжь убежали, а вот крупный самец, предводитель, решил побороться и защитить стадо. Он стоял и грозно раздувал своё мягкое нёбо, которое становилось всё ярче. Пришлось научному сотруднику пустить в ход технику. Блестящий и брякающий велосипед всё же победил, самец побежал догонять своих дамочек. Мягкое нёбо дромадера не все видели, а это признак мощи и красоты самца верблюда. Он его раздувает, чтобы показать свою силу и превосходство, а также чтобы привлечь самку.

Одногорбые верблюды мощные животные, и мы всегда предупреждали своих детей на стационаре, что если увидят верблюда, сразу прятались в вагончике. Но запах от стада верблюдов всегда стоял такой, что мы уже за километр чуяли гостей и выходили им навстречу, чтобы прогнать подальше от лагеря.

Одногорбые верблюда на нашем стационаре Бурчлибурун, глинистая пустыня. Фото автора

Однако несмотря на противный запах однажды Лена Чернова всё же собрала верблюжью шерсть. Недалеко от их стационара на озере Сарыкамыш нашли дохлого молодого верблюда. Шерсть у него была ещё не жёсткая, нежная. Невозможно было пройти мимо такого сокровища. Как смогли, собрали мешок шерсти. Но потом долго пришлось её стирать и проветривать. Потом шерсть спряли, а Лена связала свитер и носки.

Когда мы выезжали в пустыню, то частенько проезжали мимо посёлков, где жили верблюдицы с верблюжатами. Как-то раз с нами была молодая филиппинка из Корпуса Мира.

Увидев маленького верблюжонка, она была настолько потрясена, что потом часа полтора

высказывая свой восторг

повторяла: "литл кэмэл, литл кэмэл! О! О!"

Вот он: литл кэмэл. Фото автора

А на дорогах, которые окружают пустынные посёлки стада верблюдов любят разместиться в пыли разбитой колеи. И полёживают, пока громкое гудение автомобиля всё же не подымет их с места.

Верблюды на дороге. Прогоняем, чтобы проехать . Фото автора

Одомашненные верблюды на севере Туркмении мало привязаны к дому, покрывают большие расстояния под палящим солнцем, пьют солёную воду, питаются кустарниками. Конечно же они уже давно приспособлены к такому существованию.

Резервуарами для питья все ошибочно считают верблюжьи горбы. Но на деле в них сплошной жир, правда «многофункциональный». Он одновременно исполняет роль холодильника, из которого верблюд достаёт пищу, и кондиционера: за ночь жир охлаждается и днём остужает своего хозяина. Кроме того, из него действительно выделяется жидкость, правда в незначительных количествах — вдоволь напиться не получится. Однако верблюд бодро шагает по пустыне и на обезвоживание не жалуется. А чем, собственно, так опасно обезвоживание? Сгущением крови, которое человека, например, приводит к гибели. Но верблюжья кровь не густеет даже во время длительных переходов, за которые он теряет до 20% своей массы. Все потому, что она у него особая — не такая, как у остальных млекопитающих. Во-первых, в ней очень много эритроцитов — красных кровяных телец: в 1 куб. мм содержится от 14 до 19 миллионов эритроцитов. Во-вторых, верблюжьи эритроциты овальные, а не круглые. Поэтому кровь этого животного сохраняет нормальную текучесть даже при сильном сгущении: узкие эритроциты беспрепятственно проходят через капилляры, а значит, организм верблюда исправно снабжается кислородом. И наконец, в-третьих, эритроциты этого животного обладают уникальной способностью накапливать жидкость. При этом они увеличиваются в объёме почти в три раза. Но стремительно «худеют», едва их владелец начинает испытывать жажду.

Вот на этих интересных фактах об организме верблюда и закончу. Надеюсь, вам было интересно узнать какие они, верблюды Туркмении.

С уважением, Елена

Туркменские байки. Месяц в Бадхызе и навыки ловли куланов

18.02.2023

Продолжение рассказа Чернова Володи о куланах:

"Каждый вечер мы ехали в пойму Кушки, расставляли сети и устраивались в засаде. Ждать приходилось долго, а ночи в Бадхызе оказались холодными. Я, зная что в Ташаузе ночью также жарко, как и днём, разве что солнце не печёт, прихватил с собой только несколько тонких рубашек. В таком наряде да ещё при полной неподвижности я через пару часов

совершенно околевал. потом ребята выделили мне какую то старенькую телогрейку и спасли этим от замерзания. Но в ней было невыносимо бороться со сном.

Куланы появлялись обычно среди ночи. А то и под утро. Обнаружив их, загонщики на автомобилях начинали гнать их в сторону сетей, а мы, сидящие в засаде, выскакивали в последний момент и размахивая фонарями и дико вопя направляли их непосредственно в ловушку. Обычно куланам удавалось прорваться через хлипкую преграду, но периодически несколько запутывались, и тогда начиналась самая ответственная работа.

Куланы в Бадхызе. Фото из архива Черновых

Взрослый кулан весит около 200 кг, у них очень сильные ноги, мощные челюсти, могучая шея. Попавшегося кулана надо было быстро выпутать из сети, связать ему ноги и загрузить в машину. Поначалу мне доверили держать беднягу за длинные “ослиные” уши. Держаться за уши было довольно удобно, но в каких-то 40 см от меня находились внушительные зубы, попасть в которые не сулило ничего хорошего. Хорошо, копыта были с другой стороны. Если кулан мотал головой, я болтался как тряпка, привязанная к его ушам. Впрочем вчетвером-впятером кулана можно было одолеть без проблем. Но когда сразу попадалось несколько голов приходилось управляться втроём, а то и вдвоем. Когда мне первый раз предложили подержать за задние ноги, мне стало не по себе. Но опытные ловцы тут же показали мне свою хитрость: “Держи кобылу одной рукой за вымя, а жеребца за гениталии, тогда они не будут биться”. Метод действительно работал безотказно.

Однажды мы немного сменили тактику лова. Большой табун приходил на водопой прямо напротив города. Здесь от реки поднимался крутой склон горы. сети мы установили на склоне горы т.к. куланы спасались бегством вверх по склону. Мы устроили засидки поперёк склона и стали ждать. Вскоре появился табун. В нем было, наверное, не менее сотни голов. Машины погнали их в сторону горы. и табун пошёл прямо на меня. Я никогда не видел такого количества диких животных, а тут они неслись на меня. Я выскочил из своего укрытия, стал кричать, махать руками, но они не реагировали и пробежали мимо. Я понял, что если кто-нибудь из них сойдёт меня с ног, то меня просто растопчут в лепёшку. Пришлось вернуться в укрытие. Охота в эту ночь была неудачной, и больше мы на это место не возвращались. Перенесли наши ловушки на старое место, на несколько километров ниже усадьбы заповедника.

Отлов куланов затягивался. Много ночей проходило безрезультатно. Работа была изматывающей. Бессонные холодные ночи чередовались с жаркими днями. Днём выспаться

не удавалось из-за жары, духоты, мух и воплей детей, резвящихся рядом с нашим домом. Техника тоже не выдерживала. Однажды у ГАЗ-53 оторвалось переднее колесо и покатило впереди машины. Водитель чуть не погнался за ним, приняв за кулана.

Куланы часто травмировались в сетях, несколько голов погибло от стресса. Тут я увидел как работают Бадхызские падальщики. Их тут было довольно много. огромные стаи стервятников, вороны. грифы. Когда мы вернулись на место гибели куланов через 2 дня, на месте обнаружили только обглоданные кости. Ещё одной проблемой было соотношение полов среди отловленных животных. Для реакклиматизации нужно было сформировать табун. А это 2-3 жеребца и 1-2 десятка кобыл. Но в сети попадались в основном жеребцы. Некоторых приходилось отпускать. Совершенно очевидной стала неэффективность такой методики отлова.

Стадо куланов. Фото из нашего архива

Я предложил устроить ловушку по другому: натянуть сети в виде большой воронки, на конце которой был бы вольер для передержки. Это решило бы множество проблем. Во-первых, в такие ловушки при удачном загоне попадался целый табун с уже сложившейся социальной структурой и нормальным соотношением полов. Во-вторых, меньше бы травмировались животные, поскольку исключалось запутывание в сетях. связывание и перевозка в кузове. В-третьих, это было быстрее, менее трудозатратно и безопасно для ловцов.

Кстати, видимо, именно так добывали копытных древние жители Устьярта. Впоследствии мы обнаружили множество остатков заграждений из плоских камней под чинками Устьярта. Мои предложения никто тогда всерьёз не воспринял, и отлов продолжили по “старинке”. Однако в следующие годы уже перешли на новую методику. Не знаю повлияла ли на ловцов моя идея, или кто-то предложил ее независимо, но дело пошло гораздо эффективнее.

Древняя ловушка для животных на Устюрте. Фото из нашего архива

Я пробыл в командировке около месяца. Связь с домом была только по телефону, а для этого приходилось ехать в Кушку, и там сидеть на переговорном пункте по часу и больше. Как я понял из разговоров со своими коллегами, наше руководство особо не торопилось встречать куланов. Вольер ещё не был готов. Для передержки куланов мы решили отгородить забором большой полуостров на Сарыкамыше, который и назывался соответственно: Куланлы. Площадь его была несколько квадратных километров а ширина менее километра.

Зная что на Барсакельмесе куланы не предпринимали попыток уплыть с острова, мы решили что достаточно будет завести забор в воду метров на тридцать, чтобы куланы не попытались бежать. Места на полуострове было достаточно. Как потом выяснилось, такие рассуждения были ошибочными. Как раз в это время в Бадхызский заповедник явилось высокое начальство в лице министра лесного хозяйства Худайкулиева и начальника отдела заповедников Михаила Бляхера. Я к тому времени уже изрядно утомился от довольно однообразных еженочных бдений, да и домой хотелось. Я без особых усилий убедил начальство, что в Ташаузе от меня будет больше пользы, чем здесь. В тот же вечер сел в поезд до Ашхабада"

Туркменские байки. Как мы прославились в передаче "В мире животных" или Дроздов Н.Н в Капланкырском заповеднике

19.032023

Дело было в 1986 году в середине мая. Сезон на севере Туркмении выдался засушливым, мало какие эфемеры вообще проросли. Зелёной травы было чуток, соответственно: недостаток корма для птиц и грызунов. Численность как мелких, так и крупных пернатых резко сократилась. Такая ситуация случается в пустыне периодически в 10-11 лет. И вот

именно в это время угораздило посетить наши стационары съёмочную группу центрально телевидения. И руководителем группы был никто иной как Николай Николаевич Дроздов.

Я, зная ведущего телепередачи "В мире животных" как зоолога в душе, вряд ли могла заинтересовать своими ботаническими находками. А вот птицы и гады для него - очень интересно. И как оказалось, группа прилетала в заповедник в тайной надежде отыскать следы гепарда.

Про гепардов с радостью рассказали наши лесники, любители приукрасить и напридумывать. Но этот сюжет как колоритный вошёл в [фильм](#), снятый после поездки Дроздова по Средней Азии.

А в передаче в "Мире животных" засветился орнитолог нашего заповедника Владимир Шубенкин. На то время уже мой муж и отец семейства. Мы ездили в поле-1986 вместе, но я не попала в кадр. А вот что рассказал Володя:

"Прилёт Дроздова и телевизионной группы был для нас определённой неожиданностью. Мы не были готовы, да и готовить было нечего. Когда эта компания москвичей прилетела на вертолёт, Дроздов первым делом спросил: "Где здесь можно посмотреть каких-нибудь редких животных, желательнее крупных?" Но этот год, восемьдесят шестой, был очень сухой, и я как орнитолог не мог найти много гнёзд. Так скажем, беркуты в этом году практически не гнездились. Недалеко от нашего стационара мне было известно одно гнездо, но в него никак не подобраться было. А издали показывать - никакого интереса.

И тут я вспомнил про гнездо филина, которое нашёл недавно на чинке Южного Устьурта в 15 км от стационара, а если по дороге - то двадцать. Это была система карстовых оврагов, и в ней вполне доступное гнездо, куда можно было подойти близко. Когда я там был, в гнезде сидел один птенец, недавно вылупившийся. Вот когда я сказал об этом Дроздову, он загорелся туда полететь. Так как вся компания прилетела на вертолёт, то это было сделать не сложно. Но я боялся, что с высоты, с необычного ракурса, я не найду это гнездо. Но другого выхода не было. Я примерно знал ориентир: упавшая геофизическая вышка. Я попросил командира вертолёта сделать круг в районе этой вышки, и очень удачно заметил нужный нам овраг. Мы приземлились примерно в 200 метрах от оврага и пошли втроем к гнезду: я, Н.Н. Дроздов и кинооператор.

До этого особого разговора с Николаем Николаевичем у меня не было. И поговорить удалось как раз в этот момент, пока шли от вертолёта до гнезда. У гнезда филина мы провели 15-20 минут. Поговорили и на обратной дороге. Всего беседовали примерно полчаса.

Пока мы шли, Дроздов спрашивал у меня про редких птиц Капланкырского заповедника. Спрашивал как профессионал (он же тоже был орнитологом) и с большим интересом. Мне было интересно ему отвечать, а он активно и позитивно участвовал в разговоре, задавал постоянно какие-нибудь наводящие вопросы. В частности разговор шёл о редких птицах, занесённых в Красную Книгу.

Балобан, слётки, 1987 год. Бурчибурун

В районе стационара Бурчибурун у нас их было несколько, которые гнездились. Это Беркут, крупный орёл, и сокол Балобан. Оба эти вида - очень редкие, были тогда внесены в Красную Книгу СССР. И сейчас внесены во все Красные Книги бывшесоюзных государств. Николай Николаевич спрашивал, сколько я нашёл гнёзд, сколько гнездовых участков. И эти вопросы были мне очень интересны. Потому что я уже несколько лет активно занимался этими видами птиц, нашёл множество гнёзд и более 60 гнездовых участков Беркута и несколько десятков гнездовых участков Балобана. Это было необычайно много для всего Советского Союза. И они в заповеднике и охранялись. Вот как раз тот разговор был о том, где я собираюсь публиковать эту информацию. Я сказал, что собираюсь написать серию статей на тему редких хищных птиц Капланкырского заповедника, но у меня есть некоторые сомнения. Особенно по поводу карт. Обычно принято рисовать карты мест обитания и гнездовых участков. И я как раз задал вопрос Николаю Николаевичу: "Как мне опубликовать эту интересную и важную информацию, но в то же время не навести на гнёзда этих редких птиц браконьеров?" А браконьеров очень много, ведь беркут и балобан являются ловчими птицами. Дельцы охотятся за птенцами и следят за научными публикациями. И наши беркуты могут оказаться под ударом. Мы обдумывали это, и Дроздов сказал, что конечно лучше публиковать без карт. И ещё мы пришли к выводу, что нужно создавать всесоюзную базу совершенно секретных материалов о редких видах птиц, где можно хранить данные по гнёздам, карты местообитаний и гнездовых участков. Но чтобы доступ к этой базе имели только профессиональные орнитологи, которые занимаются охраной этих видов.

Птенец филина

Потом мы подошли к гнезду, которое располагалось в глубокой нише. Там сидел уже довольно крупный птенец и щёлкал клювом. Николай Николаевич по-простому забрался в эту нишу (она была большая и гнездо занимало всего десятую часть пространства) и всё интервью брал у меня стоя там на четвереньках. Хотя и поза была неудобная, но это был деловой момент, и это несколько не мешало общаться.

Фото с экрана телевизора передачи "В мире животных". 1986 год

Ну вот собственно и всё. Потом мы пошли к вертолёту и по дороге я говорил о других редких птицах. На Сарыкамыше гнездились и пеликаны, встречали мы там и ибисов караваек. Но это уже была вотчина Володи Чернова. Их стационар как раз находился на берегу озера, и я рекомендовал слетать к нему тоже.

Потом мы сели в вертолёт, где шум винтов совершенно не давал разговаривать. Николаю Николаевичу было тогда примерно 45, он был старше меня лет на 15. Но разговор происходил у нас на равных, если учесть все регалии этого учёного. Это очень заинтересованный человек, когда он задаёт вопрос, на него хочется ответить очень подробно. Дроздова все знают. И в жизни он оказался такой же, как и на экране в передаче "В мире животных".

После того как вышла передача о нашем заповеднике с моим интервью в гнезде филина (где Дроздов пристроился на четвереньках), я стал известен. Друзья и знакомые сообщали, что видели меня в телевизоре. А как же: передача "В мире животных" была очень популярна в 80-е годы, да и выбора каналов тогда не было. Даже мой отец рассказывал, что на металлургическом заводе в Нижнем Тагиле, его спросили, не его ли сын был с Дроздовым?"

Это воспоминания моего мужа. Но Николай Николаевич пообщался и с другими научными сотрудниками заповедника. И надеюсь, что им тоже есть что вспомнить. Буду ждать их рассказов, чтобы поведать всем.

Туркменские байки. Дроздов в Капланкыре: встреча у змеиной норы

26.03.2023

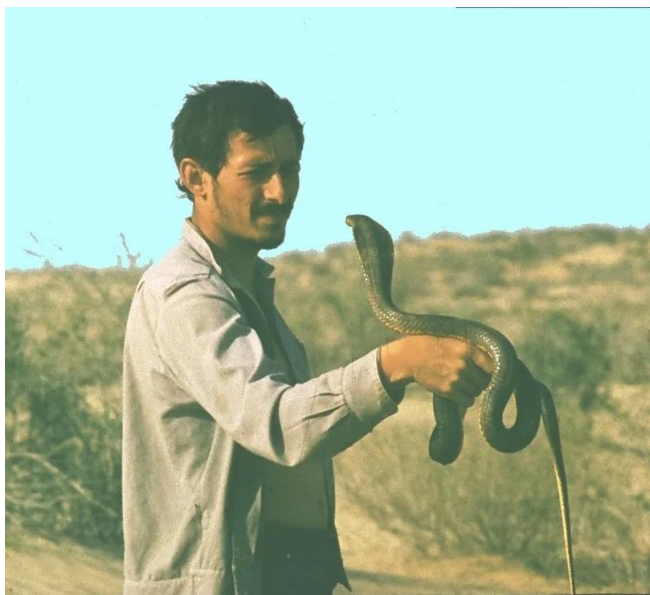
так назвал свои воспоминания наш герпетолог Андрей Затока. Думаю, что и его версия тоже будет интересна для читателей рассказов о Капланкырском заповеднике в Туркмении в эпоху СССР.

"Когда в 1986 г съёмочная группа передачи «В мире животных» прилетела в Ташауз, я совершенно случайно оказался в городе на «пересменке» и поэтому попал на съёмки. Естественно, в качестве штатного герпетолога.

За год до этого я поймал в Шахсенеме свою первую кобру, и она жила у меня дома. Кроме того, имелась и фаланга. Я предложил их использовать в съёмках, и это было с радостью принято.

Тонкость была только в том, что на севере области (район Сарыкамыша и Капланкыра) кобра не встречается. Но мы тут же придумали легенду про змеиную нору, где я якобы регулярно наблюдаю за коброй.

Положили кобру на песочек, Николай Николаевич сел с одной стороны от кобры, я с другой, оператор напротив, кобра встала в стойку, и съёмка началась. День был довольно жаркий, кобра быстро перегрелась, заскучала и не придумала ничего лучше, как ползти мне под колени. Дроздов с явным удовольствием сообщил: «Смотрите, змея под Вас ползла!». А я, увлечённый рассказом о проблемах отношений змей с местным населением, только мимоходом ответил типа «Да, жарко, ей надо в тень» и продолжал сидеть на кобре, наблюдая, как оператор берёт уходящую под меня кобру крупным планом.

С той самой коброй

Завершили беседу, и встал вопрос, как мне с кобры слезать. Мне её не видно, змея не ручная, одежды на ногах немного... В общем, я решил встать одним прыжком. Вскил. Но оператору это не понравилось, мне пришлось снова сесть на кобру и встать медленно и красиво. Но этот момент в итоговый фильм не вошёл.

А вот сама беседа и заползание кобры под колени было показано на следующий год всему советскому народу. И как я узнал много лет спустя, главный наш специалист по кобрам, Виктор Макеев, остался очень недоволен этими кадрами - типа, я плохой пример показал. Ну, я думаю, это он просто от зависти.

Фалангу тоже засняли, и она вошла в фильм «Редкие животные», вышедший в передаче «В мире животных» в 1986 году. (тайминг 48:02 - 48:40)

Фаланга, выпущенная на горячий песок, тут же начала закапываться. Оператор заснял это на камеру, после чего Дроздов улёгся на песок и стал снимать фалангу на фотоаппарат. Фаланга

закапывалась, регулярно вылезала из норы, и, как бульдозер, выталкивала песок то влево, то вправо. А Николай Николаевич ей командовал «Направо...налево...на меня», и сольпуга удивительным образом его слушалась!

Потом мы фалангу извлекли из норы, обломав её надежду на свободу, и Дроздов со всем своим обаянием попросил ему эту фалангу подарить: «Ну Вы же себе ещё поймаете, правда?».

Как Вы думаете, мог я Дроздову отказать?

Ну, а через 3 года Н.Н. Дроздов через нашего общего друга передал мне свою новую книжку с дарственной надписью.

Благодарю Андрея за то, что выделил время и "взялся за перо". Ведь он до сих пор работает, но уже в Боровске, в ЭТНОМИРЕ. Прививает любовь к своим питомцам в Зоооде "Кобры-мобры".

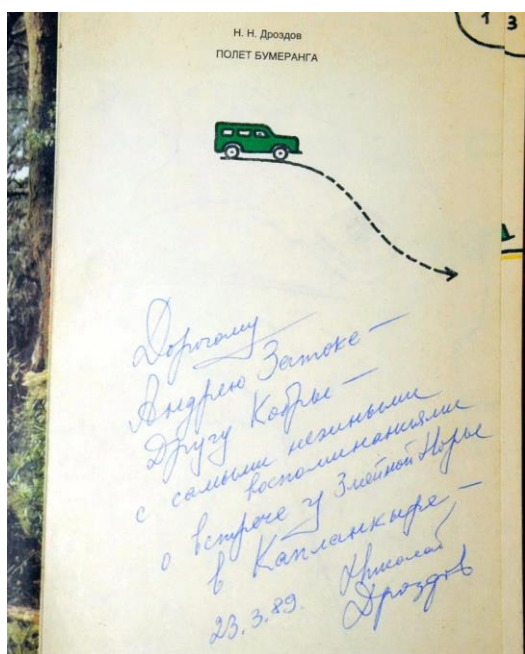

Фото А.Затоки"

Туркменские байки. Всё было впервые или о начале работы на стационаре Капланкырского заповедника 02.04.2223.

В начале 80-х годов прошлого века в Советском Союзе было организовано много заповедников. И большая доля пришлась на республики Средней Азии. Вот в такой новый заповедник мы, уральцы, и приехали работать после окончания биофака УрГУ им. Горького (г. Свердловск) в 1981 году. Мои коллеги по заповеднику помогают восстанавливать нашу Капланкырскую летопись. Ниже воспоминания Шубенкина Володи, нашего орнитолога.

"Февраль 1982 года. Туркмения. Мы с Сергеем, вчерашние выпускники биофака, собираемся организовать первый научный стационар в недавно открывшемся заповеднике, ехать в свою первую экспедицию в пустыню. Третий член нашего десанта, Лена, пока остается в Ташаузе. Для неё, как ботаника, рано ехать - растения не вегетируют. Ещё холодно, ночью до минус 15. Но, пролёт птиц уже начался. И ехать надо.

Ехать правда некуда: нет никакого жилья, домика или хотя бы вагончика. И в пустыне нет воды. Поэтому мы взяли с собой 4 местную палатку, печку-буржуйку и бочку с водой на колесах. Этим нас обеспечил заповедник.

А вот с питанием была беда. Мы на свои деньги купили немного макарон, риса. Насушили мешок сухарей и взяли 10 буханок хлеба. Из белковых продуктов удалось купить только с десяток банок кильки в томате и несколько банок Ланчен Мита - это такой мясной консервированный паштет заграничного происхождения. Этого было явно мало на месяц. Поэтому купили ещё 3 кг говяжьей печени, мелко её нарезали и насушили на печке. Получилось сушёное мясо, которое можно разварить и есть как белковую пищу. Вот собственно и всё. Большого бы наш бюджет не выдержал - кошельки были пусты.

Справа от вагончика стоит первая палатка. Слева - бочка с водой, укрытая тентом от солнца. На табличке на шесте справа от палатки надпись "Капланкырский заповедник"

Ещё в январе мы объехали наш заповедник и нашли подходящее место в районе чинка Бурчлибурун. Здесь есть все биотопы, характерные для местной пустыни: глинистые и щебнистые равнины, пески, обрывы и карстовые провалы. Отличное место для изучения природы этого сурового края! Единственный минус будущего стационара - большое удаление от ближайшего населённого пункта - посёлка Шахсенем. А это порядка 150 км труднопроходимых пустынных дорог. У нас ведь не было никакого транспорта и никаких средств связи. И в нашем районе редко появлялись люди. В случае какой-нибудь нашей травмы или болезни у нас были бы серьёзные проблемы.

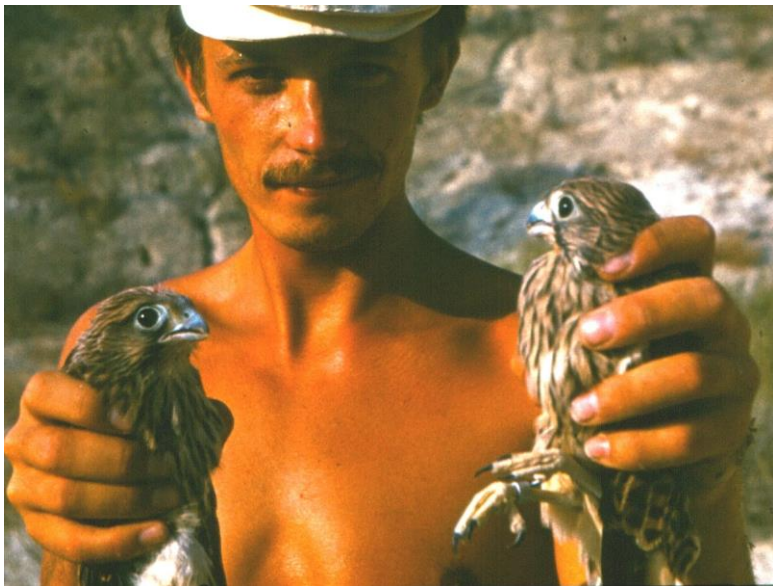
На такой машине мы выезжали в пустыню. И в первый раз - тоже.

Ну как бы там ни было, мы выехали 22 февраля 1982 года. Выезд проходил на автомашине ГАЗ-66 заповедника, нас сопровождала пара лесников. Сзади машина буксировала кубовую бочку на колёсах. Ехали долго, больше двух суток, с двумя ночёвками. Вроде бы и расстояние не большое, где-то 350 км. Но дорога очень плохая, средняя скорость была около 20 км/ч. Ещё заливали в бочку воду, ремонтировали ломающуюся машину и тому подобное.

Наконец, 24 февраля доехали до места уже к вечеру. Нашли подходящую площадку, поставили палатку, установили железную печку. Лесники сразу же уехали. Температура вечером -10°, примерно 20% поверхности почвы запорошено снегом. Сильный ветер.

Установили дежурство по стационару. Через день один из нас, дежурный, будет собирать дрова, топить печь, варить завтрак, обед и ужин. Подъём с рассветом, это примерно в 7 часов утра.

Утром встали, перекусили. Пошли искать место для наблюдательного пункта за пролётом птиц. Было довольно холодно и ветрено. Место нашли быстро. Так как перелёт птиц идет в основном утром и вечером, то решили дежурить по 4 часа после восхода и до захода солнца. Определение птиц в полете и на большом расстоянии было довольно сложным делом. Особенно если учесть, что многие из пролетных видов были нам мало знакомы, мы привыкли к птицам тундры и тайги.

Володя окольцевал слётков пустельги. Гнздо было в овраге под старым кладбищем. 1982 г

Но, нет ничего невозможного. Будем учиться и узнавать новое. Определители птиц и бинокли нам в помощь. Работа была простая. Нужно было в определенной последовательности осматривать в бинокль прилежащую местность и отмечать всех замеченных птиц. И заносить наблюдения в журнал: вид, число особей в стае, дальность, высота и направление полёта. Если вид не удалось установить (а их было более 300 видов), то нужно было сделать

максимально точное описание птицы для дальнейшего определения. Все это было необходимо для оценки численности пролетных птиц, для многолетнего слежения за ее изменениями. А также для определения состояния редких птиц из Красной книги СССР. Ну и надо было описать фауну нашего нового Капланкырского заповедника."

В общем-то обычная работа научного сотрудника. Но если учесть, в каких спартанских условиях всё делали ребята, то - героическая работа. Спустя месяц, когда я приехала на этот первый стационар, то уже тогда заметно было, как мальчики похудели. А жары-то ещё и не было... Поскольку я была ещё на диете после гепатита, то привезла с собой немерено овсяных хлопьев и кукурузного масла. Мне эти продукты присылали и родители, и друзья, пока я была в городе и собиралась к выезду на полевые работы. В итоге хватило на всех до конца полевого сезона. Что-то из продуктов привезла из Свердловска и Галя, жена Сергея, навестившая его попутно с моим выездом.

Надеюсь, было интересно узнать пустынные подробности научного отдела заповедника.

С уважением, Елена

Туркменские байки. Приколы нашего городка: наземный транспорт

23.04.2023

Первый год мы узнавали Туркмению и город Ташауз всесторонне. Ведь нам тут предстояло работать, как долго, никто не гадал. Кто ж знал тогда, в октябре 1981-го, что пустыня, Каракумы и Южный Устюрт, привяжут нас к себе своей неповторимостью и постоянными открытиями. И придется её покинуть лишь по политическим причинам...

Передвигаться по городу как-то надо было. И он не был настолько маленьким, что его можно было легко пересечь пешком даже в нашем молодом возрасте. Общественный транспорт имелся: автобус. Это были старые машины, не помню марку, в которых между двумя рядами сидений продвинуться можно было только боком. А для высоких людей нужно было наклонять голову. График движения так и остался мне непонятен. На остановке можно было простоять очень долго, так и не дождавшись. Поэтому поездка на автобусе была всегда удачей. Увидели автобус - сели и поехали. Но если этого автобуса не было около часа, то можно было и не поместиться в нём. Потому что в первую очередь заходили старые люди, потом ребяташки, а потом уж мы, молодёжь. Исправно ходили только два маршрута, один из них помню: номер 2. Он подвозил нас почти до конторы на Ильязинской улице.

Я уже писала, что в местных автобусах стоял своеобразный запах. Особенно он ощущался в жаркую погоду, когда к запаху невымытого тела примешивался "аромат" кислого молока от недавно помытых волос. В первый год мы ездили на автобусе, но потом контору перенесли за город и выделили нам, городским, служебный автобус.

Грузовое такси в Ташаузе представляло из себя ослика, запряженного в арбу: ишак-арба. И животное тянуло на себе мебель, бытовую технику и даже транспортные средства. В первую очередь я с изумлением смотрела, как осёл перевозит новый мотоцикл в деревянной обрешётке. Видно в село, чабанам...

Ишак-арба

Такси в Ташаузе имелось. Старые "Волги" с шашечками были доступны. Проезд по городу - 1 рубль. За город - 3 рубля. В начале нашей трудовой деятельности экономия была строжайшая, поэтому такси было не для нас. Чаще проблему передвижения решали ногами. Но когда появились детки и надо было в жару куда-то съездить: поликлиника, рынок чаще всего, то на обратном пути садились на такси. Потому что в нашем микрорайоне поймать машину на дороге было практически невозможно. Поэтому в одну сторону чаще была пешая прогулка по утренней прохладе. Автопарк был так себе и автомобили всегда нуждались в ремонте. Однажды мы с сыном возвращались домой и на крутом повороте он чуть не выпал у меня из машины. Просто на скорости под уклоном открылась дверь, еле успела его удержать. Про ремни безопасности и детские кресла естественно в те годы никто не слыхивал.

Когда муж уволился из заповедника и стал работать в частной структуре, у нас появилась возможность купить автомобиль. И это был Запорожец. Дети было уже по 9 и 10 лет, и мы часто выезжали с ними за город: на канал, на крепости, да и просто в окрестные пески.

Если кто помнит, была такая машинка ЛуАЗ. С крейсерской скоростью 80 км/час, но с двумя приводами. Муж тоже её приобрёл по бартеру и несколько раз мы успели прокатиться на ней в пустыню. Заповедник в начале девяностых испытывал трудности с финансированием. Работы на стационарах приходилось сокращать, а то и вовсе отменять. В это время у нас уволились многие сотрудники. Так что выезжали мы в пустыню индивидуально. И это были самые запоминающиеся поездки, потому что при свободе передвижения мы увидели много. И даже архаров весной с приплодом.

На втором плане ЛуАЗ

А заповедник до экономического кризиса предоставлял нам исправно ГАЗ-66. Машины ремонтировались и всегда были на ходу.

Грузимся на ГАЗ-66

Наш зам.директора по науке раз в сезон навещал нас на своём личном (но конечно-же в собственности заповедника) грузовом УАЗике с кузовком. В селе, где он жил, эта машина всегда была при деле.

УАЗик с кузовком

Но самыми первыми передвижными средствами были в нашем научном отделе мопед "Верховина" и мотоциклы "Восход М". Мопедов заповедник купил ребятам два, но один сразу же ушёл на запчасти для другого, постоянно ломавшегося.

Мопед "Верховина"

Поэтому на следующий год на скопленные средства Сергей и Володя купили по мотоциклу. И этот "Восход М" прослужил нам почти десять лет. И в исправном состоянии был подарен

леснику, хорошему человеку, когда мы уезжали на Урал. С мотоциклом наши наблюдения в заповеднике стали шире. Мы теперь не сидели на месте, а могли обследовать территорию более обширную. И это открывало горизонты для новых стационарных точек.

Володя с мотоциклом "Восход-М"

Развлечение на стационаре

Но случился 1992 год, - все работы пришлось сворачивать.
Надеюсь, друзья, было интересно вспомнить, на чем катались в прошлом веке.
С уважением, Елена

Туркменские байки. Новая жизнь

30.04.2023

Нет, мы не переехали на Урал. Но после полевых выяснилось, что в двух семьях нашего научного отдела появится потомство. Мы с Володией ждали нашего первенца в сентябре, а Черновы к Новому году. Где рожать, вопросов не стояло. Только на Урале. Смертность у новорождённых в Туркмении тогда была одной из самых высоких в СССР. Да и женские доктора были так себе. Мне они ошиблись в сроке аж на полтора месяца. Но благодаря этому

я получила очень длинный больничный и жила у родителей почти полгода. Так как после рождения дочери не рискнула сразу же уезжать в Туркмению. Муж приехал нас забирать в начале декабря, когда нашей Ане исполнилось два месяца.

К тому времени я уже как-то была подкована в плане ухода за ребёнком и борьбы с болезнями малышей. Ничего хорошего от местных педиатров я не ждала. Но случилось чудо. На нашем участке приехала работать Зоя Матякубова, выпускница Ленинградского медицинского института и соответствующей ординатуры. Три месяца, пока мы жили в первой нашей общаге (четырёхкомнатная квартира) она навещала нас часто и очень помогла в организации искусственного вскармливания. Да и мы были неординарными пациентами у неё. Мы ещё в Свердловске начали учить дочку плаванию. Были тогда популярными книжки семьи Никитиных и одна (другого автора) с таким названием: "Плавать раньше, чем ходить". Так вот Зоя даже как-то попросилась, чтобы мы пустили её посмотреть на очередной урок плавания. Потом она стала заведующей детской поликлиникой, но мы всегда ходили на приём к ней, независимо от принадлежности к участку.

В Свердловске с водой проблем не было. И когда мы приехали в Ташауз, в декабре, вода тоже шла постоянно. Каждый день, когда в доме народу становилось поменьше, мы драили нашу ванную, набирали воды и учили Аню плавать. К пяти месяцам она уже самостоятельно держалась на воде и ей это доставляло удовольствие.

***Наше первое семейное официальное фото для родни из ташаузского фотоателье.
И конечно покаляканное дочерью***

И вот тут нам как раз выпала удача. Хотя конечно не всё с неба упало. Володя в очередной раз (спустя чуть больше года) пошёл к нашему доброму гению, руководителю Облисполкома с хорошей фамилией Папин. И Папин по-отечески выдал нам ордер на трёхкомнатную квартиру в новом микрорайоне. Стройки тогда в Ташаузе шли одна за другой. Мы конечно не претендовали на такую площадь, но других свободных квартир не было. Их просто не строили. В нашем доме, как выяснилось позже были ещё только четырёхкомнатные. И всё.

Так что в феврале мы стали жить отдельно и постепенно обустроить свой дом. В первые полгода одна комната у нас просто пустовала за закрытой дверью. Потому что с мебелью пришлось обождать. Мы решили, что к новым полевым лучше купить мотоцикл Володе. Эта необходимость назревала уже два года. Вот они с Сергеем Антиповым на скопленные

пустынные командировочные и обзавелись мотоциклами "Восход М". И по вечерам, после возвращения из конторы мужа частенько не было дома: обкатывалась техника. На права тогда и не было мысли сдавать. Ведь пользоваться мотоциклами предполагалось только в пустыне.

После полевых потом двухколёсная машина стояла у нас в подвале. Вместе с коляской. А коляску мы сразу определили в подвал под первым лестничным пролётом. Потому что жили на четвёртом этаже без лифта. Укрывали покрывалом от пыли и всё было в порядке. Сейчас вспоминаю, что проблем с котами подвальными не было. Коты просто отсутствовали в доме. Домашних питомцев местные не держали.

На этом пока закончу. Приятного чтения, с уважением, Елена

Туркменские байки. Про землетрясение, которое спасло жизнь мужу

25.06.2223

Недавно, 22 июня, в Крыму в районе Севастополя случилось небольшое землетрясение. Жители города-порта толчок ощутили в виде покачивания кровати. Потому что это было утром, некоторые уже не спали. Вот на волне этой новости мне припомнилось наше землетрясение в Ташаузе в 1984 году. Так сказать, навеяло...

В марте 1984 года наш научный отдел как обычно собирался на полевые в пустыню. Это был уже третий сезон, всё было обыденно, привычно. Разве что я не ехала. Мы решили не брать на полевые пятимесячную дочь, так как надежного транспортного сообщения с городом всё же не было. Мотоцикл был ещё не обкатан, с малой мощностью, и мог проходить только глинистые участки. Пески бы не одолел. Поэтому я оставалась дома с надеждой, что с дочкой недельку посидит мама, когда приедет в мае. В мае я как раз смогу снять самые важные показатели своих объектов наблюдения.

А вот в марте приехала свекровь. И с внучкой пообщаться, и мне помочь вместо Володи. Выезд был назначен на 21 марта. А в ночь на 20 марта как раз и случилось.

Я проснулась от бряканья стёкол на лоджии. Подумала, что ветер очень сильный и возможно забыли закрыть окно. Рамы-то в на наших лоджиях были деревянные, однослойные, южный вариант. Соскочила и побежала закрывать. Но окна все были закрыты. Удивилась, ещё раз всё проверила. Потом поднялись свекровь с мужем. Они проснулись уже от звяканья посуды. А включив свет мы все обалденно смотрели на раскачивающуюся люстру.

Ташауз, май 1984. На нашем балконе я с дочкой

Вова первый понял, что происходит. Выхватил дочь из кроватки и встал с ней в проём в коридоре. Я пошла в окно посмотреть, что творится во дворе. Были ещё сумерки, но двор был полон народу. Повыскакивали на улицу большинство. Кто в чём. Но для местных ходить летом в ночнушках у подъезда - обычное дело. Я же категорически отказалась идти на улицу раздетой. Пока собиралась, ревущую дочь одевала, всё поутихло. Так мы из дома и не вышли.

Представьте, каковы были чувства мужа, оставлявшего своих женщин. Но мы уже знали, что сильные толчки были в Газли, в Узбекистане. Это очень далеко от нас. А Ташауз расположен на древней плите, где землетрясение само по себе не может произойти, это не горы. И до нас могут прийти только отголоски толчков, не сильные. Четыре с небольшим балла, это всё, что возможно. Даже ничего не разбилось.

А потом я всё же посмотрела в литературе (интернета тогда не было и в помине) про землетрясения в Туркмении. И самым опасным районом там называли Ашхабад. Страшные разрушения и жертвы после толчков 1948 года тогда помнили ещё многие жители республики, да и всего СССР.

Уже позже, когда муж ушёл из заповедника работать в облисполком в сельхоз отдел в сектор по экологии, я припомнила всё это. Тогда ему настоятельно предлагали перебраться в Ашхабад в Министерство по охране природы, чтобы возглавить отдел заповедников. Я категорически отказалась ехать в город, который трясёт.

И как правильно мы поступили, оставшись на периферии! Потому что с приходом Ниязова к власти, многих чиновников из столичных министерств не просто уволили, но и посадили по тюрьмам. Были среди них и наши знакомые, которые перебрались в Ашхабад на повышение. Никто не был застрахован... А мы не поехали, потому что я боялась землетрясений.

Спасибо, что читаете! С уважением, Елена

Туркменские байки. Водные проблемы

средней азии и наша жизнь

4 июня 2023

Вода - это жизнь. И на севере Туркмении в течение 14 лет мы очень хорошо это усвоили. Жили мы в областном центре, городе Ташаузе. И вода там была дефицитом. В наши квартиры её подавали по часам. По 1-2 часа три раза в день. С середины сентября примерно и по март мы справлялись и привыкали к такому распорядку. Даже дочку и сына учили плавать в ванной.

Однако летом на наш четвёртый этаж вода просто не доходила по утрам и вечерам. Поэтому стирка и мойка у меня перекладывались на обеденное время. И счастье было, если я успевала постирать бельё и помыть посуду под краном, и ещё набрать полную ванну воды на вечер и на следующее утро. Над нашим умывальником висел на стенке обычный железный рукомойник с носиком, а рядом на ванной лежал ковшик. Мылись из таза, специально купила большой. Сначала дети там помещались, а потом уж как и мы, из тазаика поливались. Поэтому летом мы не задерживались в Ташаузе. Либо были в пустыне до середины июня, либо уезжали в отпуск на Урал. И там старались пожить до сентября.

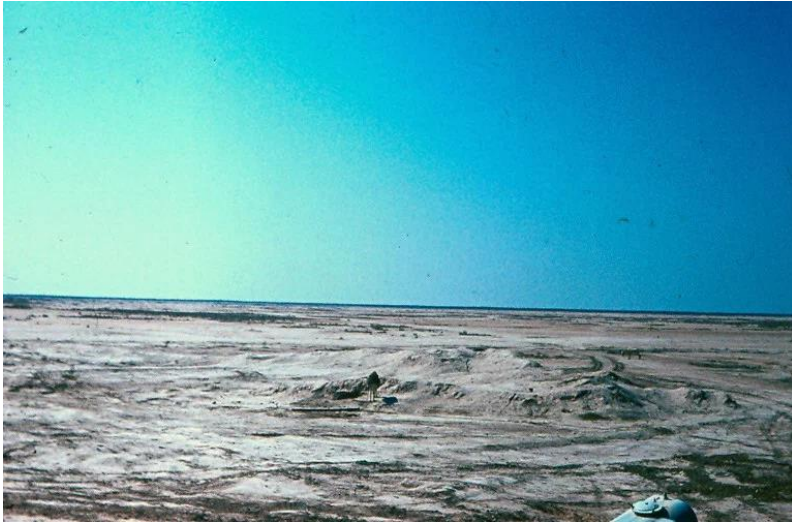
Вода разумеется была солёная из-под крана. А иной и не было. Бутилированной воды в СССР не продавали. Чайник периодически отмывала с кислотой, так как за три дня он уже покрывался толстой коркой извести изнутри. Мало того, что вода была с солями кальция, в ней ещё было много чего, что поступало в водозаборы с хлопковых полей после обработки растений. И dust в Туркмении использовали не стесняясь. В те времена было можно. Так что народ медленно и верно травился и накапливал камни в почках. И этот диагноз был в Ташаузе очень распространённым у жителей не только преклонного возраста, но и средних лет.

Мы как биологи отлично знали и понимали риски для здоровья. Поэтому для питья старались использовать несколько раз кипячёную воду и замороженный лёд. В морозилке солёная вода не замерзала, её сливали, а лёд растаявший использовали для пищи. Андрей Затока раздобыл где-то самогонный аппарат и выгонял дистиллят. Потом немного разводил его водой из-под крана для получения нормальной солёности.

Но самым щедрым подарком была для всех вода из пустыни. Туркменские чабаны на стоянках отар строили сардобы. Это вырытые в земле и бетонированные водохранилища на такыре, куда стекала по уклону дождевая и талая вода. Ведь зимой в северных Каракумах осадков было немало. Да и такыров, огромных глиняных площадей без растительности, тоже было достаточно. На стоянке овцеводов Едихауз с двумя огромными сардобами лесники нашего заповедника устроили кордон. Очень удобно: не так уж далеко от города, и вода всегда есть, не надо с собой возить. А вода была пресная, хоть и очень мутная, похожая на какао с молоком. Но как мы ей радовались! Прозрачность достигалась отстаиванием и кипячением.

В пустыне мы пили только такую воду. И с собой в город забирали несколько тридцатилитровых фляг пресной воды. До отпуска хватало на еду. А в сентябре мы снова старались выехать в пустыню. Конечно по работе на учёты. Но и воды хорошей тоже привозили.

Рассаливали свой организм мы и на Урале. В нашем саду под Екатеринбургом вода была из скважины 90-метров. Так что и родители, и мы не пили хлорированную и ржавую воду из свердловского водопровода.

Такыр на Едихаузе. В центре крышка сардобы. Фото из семейного архива.

Вода на наших стационарах в пустыне доставлялась на водовозке, которая имела в автопарке заповедника. В первый год нам троим научным сотрудникам выделили под воду трёх-кубовую бочку. По-моему, два раза тогда приезжала водовозка к нам. Воды было мало. Даже собирали дождевую с крыши вагона и на полиэтилен, который расстелили в яме, когда был ливень.

Потом четыре года у нас стоял десяти-кубовый бак. Его регулярно заполняли. Научный отдел уже вырос и имел административный вес, поэтому доставка продуктов, корреспонденции и воды была регулярной. Дефицита в эти годы мы не испытывали. А когда стационар на Бурчибуруне разросся до трёх бытовок, а научный коллектив до 10 человек, нам построили маленькую сардобу, примерно на 30 кубов. Из этого запаса воды мы должны были ещё и заполнять водопой для архаров. При наличии транспорта. Увы, машину грузовую для нашего стационара так и не выделили. А на мотоцикле много ли увезёшь... Перед началом полевого сезона водовоз сделал несколько рейсов на Едихауз за пресной водой и заполнил наш "водопой" основательно. Это была для нас и техническая вода, и питьевая. А вы стирали бельё в дождевой воде? Мыло не сворачивалось белыми хлопьями, даже стиральный порошок можно было не использовать. В самую жару мы в теньке устраивали нашим детям даже мини-бассейн в большом железном ящике...

Минибассейн. Фото из семейного архива

А где-то на озере Сарыкамыш купались вдоволь ребятишки семьи Черновых. И мы туда тоже в июне заезжали на пару недель. Мужчины-орнитологи делали облёты озера для учётов численности птиц и колоний водных видов. На лодке ездили кольцевать пеликанов.

Кольцевание пеликана. Фото автора

Мы с Леной Черновой исследовали черносаксаульники вблизи воды. Это была совсем другая и особенная растительность, не то что в пустыне. Вода озера создавала условия для образования солидной биомассы и соответственно хорошего корма для копытных, а именно, куланов. [Куланы, выпущенные усилиями Капланкырского заповедника](#), хорошо жили и размножались в те годы. Зарубежные экологи говорят, что это теперь единственная сохранившаяся группировка в Туркмении.

А дети конечно же резвились в огромном озере. Плавали, играли, ныряли. Правда после водных процедур приходилось их обливать пресной водой. Ведь вода в озере Сарыкамыш солёная. Были такие моменты, когда на стационаре Сарыкамыш собирались все семейные одновременно. И вот такие фото на память остались.

Дети на озере Сарыкамыш. Фото из семейного архива.

Ещё одно место с обилием воды стало стационаром заповедника. Это впадина Акча-кая. Там в основном стояли Андрей и Женя Затоки. К ним ежегодно приезжали на практику студенты, которых Андрей и Женя загружали работой по учёту численности грызунов и рептилий. Мы пару раз тоже приезжали на этот стационар дополнить его описание в ботаническом и орнитологическом плане.

А интересным был фонтан горячей воды, который извергался на дне впадины. Это была скважина, которую в середине прошлого века пробурили геологи. Но заткнуть не могли. Так и изливалась вода с температурой около 40 градусов, заполняя такыры впадины. Во влажное время года, когда добавлялись и атмосферные осадки, на дорогах во впадине на машине можно было основательно застрять, так как всё заболачивалось.

Фонтан во впадине Акча-кая. Фото из семейного архива.

В полевой сезон студенты ходили на скважину, как в баню. Но смыть там можно было только жир и пыль. После купания надо было обливаться пресной водой, потому что скважина был солёная.

Дети Капланкырского заповедника у фонтана. Фото из семейного архива

В Туркмении вода делится на каналы и коллекторы. По каналу течёт вода великой Аму-Дарьи. В коллекторы сливается вода с хлопковых и иных полей после орошения и рассаливания. Так что это солёные водотоки. Огромный коллектор Дарьяллык впадает в Сарыкамьшское озеро. В наше время в Северных Каракумах было ещё два коллекторных озера: Кой-Кырлан и Зенги-Баба. Они располагались около небольших возвышенностей с такими же именами. Сейчас ситуация с водными стоками поменялась и точно описать я её не могу. Знаю только, что воды в пустыне стало больше. Но это скорей плохо, чем хорошо. Природные комплексы нарушились.

А по городу Ташауз протекал канал с названием Шават. Мутная такая неширокая речка с обрывистыми берегами. И летом там то и дело можно было заметить купающихся ребятишек.